

МОНСТР

в ее постели

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

Анна Веммер

18+

Анна Веммер

Монстр в ее постели

«Автор»

2022

Веммер А.

Монстр в ее постели / А. Веммер — «Автор», 2022

А вы знали, что при "удачном" стечении обстоятельств в вашей квартире может поселиться совершенно посторонний человек? Вот и я не знала, но однажды в мой дом вошел монстр - и жизнь изменилась. Вадим Исаев - не жертва обстоятельств. Он опасен и жесток, только что вышел из тюрьмы и теперь мне предстоит или бежать, или жить в опасной близости от монстра. Бежать некуда, сражаться с ним бесполезно. Он с легкостью может отнять у меня самое дорогое. Или помочь мне. Но непременно что-то попросит взамен. Содержит нецензурную брань.

© Веммер А., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	12
Глава третья	21
Глава четвертая	28
Глава пятая	34
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Анна Веммер

Монстр в ее постели

Все ситуации, имена, локации и реалии нарочно искажены во избежание совпадения с реальными людьми и ситуациями.

Глава первая

Даша

Сегодня, первого сентября, в мой дом вошел монстр, и жизнь безвозвратно изменилась.

Я сижу на кухне, пью чай и улыбаюсь осеннему дождю. Обычно он навевает уныние, но сегодня мне радостно: Ваня пошел в школу. Я привела брата на линейку и с гордостью смотрела, как он вместе с хорошенькой одноклассницей несет колокольчик. Мы прошли долгий путь к этому дню.

Кто бы мог поверить, что восемнадцатилетней девчужке, едва-едва закончившей школу, удастся не просто воспитать маленького четырехлетнего брата, но и добиться того, чтобы он пошел в обычную школу. Ване прочили интернат, да о чем вообще можно говорить, если от него отказались даже родители?

Впрочем, во мне говорит обида. Не сын с задержкой речевого развития стал причиной их равнодушия. Мама с папой наигрались в семью. Теперь они оба строят свои жизни, и всех все устраивает. Папа за границей, у него новая молодая жена. Мама в столице, покоряет мир тренеров личного роста и гуру саморазвития, учит прорабатывать денежные блоки и направлять правильные посылы Вселенной.

А мы с Ванькой в родном городе, живем, как умеем. И денежный блок у нас один: денег все время не хватает.

Но брат теперь первоклассник, и я чувствую, что впервые за много лет счастлива. Конечно, мне до одури страшно: а вдруг его будут обижать? А вдруг он ни с кем не подружится? А вдруг застесняется и не сможет ответить учителю? Я то и дело поглядываю в классный чат, страшась увидеть там «Дарья Сергеевна, заберите Ваню Богданова, ему здесь не место».

Конечно, там такого не напишут. Я просто параноик.

Но я даже не взяла на сегодня клиентов, чтобы ненароком не отпилить никому палец.

Уроки продлятся до одиннадцати, а потом они вместе с классом пойдут на праздник и в кино, так что забирать Ваню только к четырем, и я не знаю, чем себя занять. Даже есть не хочется, хотя в желудке сегодня не было ничего, кроме чая.

Неожиданно я вздрагиваю от странного звука ворочающегося в замочной скважине ключа.

Ваня?! Он что, ушел из школы и пошел домой один?!

Стоп. У Ваньки нет ключей...

На негнущихся ногах, чувствуя, как сердце в груди готово остановиться от страха, я выхожу в коридор, и в этот же момент ручка двери опускается. Несколько мгновений, когда дверь открывается, но входящего еще не видно – самые страшные в моей жизни.

Хотя потом, когда в квартиру заходит мужчина, мгновения превращаются в панический, непрерывный страх. Это не ошибившийся этажом сосед, не отец и даже не полиция. Человек, который вломился в мой дом, выглядит жутко: в черной толстовке, с огромным рюкзаком за спиной. Небритый, хмурый, с дикой злобой во взгляде. При виде таких переходят на другую сторону дороги, таких показывают в криминальной хронике по телевизору. При виде него я чувствую, будто кто-то схватил меня за горло, перекрыв доступ кислороду. Я должна закричать, позвонить в полицию, но могу лишь сдавленно спросить:

– Кто вы такой?..

Он с явным раздражением фокусирует на мне взгляд.

– Полагаю, отныне твой сосед. Давай, выгребай свои манатки из комнаты.

Что? Что он такое несет?!

– Это моя квартира! Немедленно убирайтесь, иначе я вызову полицию!

Вместо ответа он бросает мне в лицо какую-то папку и, не разуваясь, проходит в зал.

– Я сказала, уходите!

– Закрой рот, сделай одолжение. Я дал тебе решение суда. Я имею право здесь жить, и тебе придется с этим смириться. Будешь верещать – получишь по губам. Нет настроения разводить с тобой сопли.

Открыв рот, я смотрю, как незнакомец бросает на пол рюкзак, стягивает толстовку и ложится прямо в уличной одежде на мою постель! Я не успела заправить диван, собирая Ваньку в школу, и как раз собиралась сделать это после завтрака, а он просто взял и завалился, как к себе домой.

По правде говоря, когда я впервые его увидела, то решила, будто это грабитель или какой-то наркоман, а сейчас шок прошел, и кажется, будто все совсем не так просто. Вместо страха (хотя меня все еще трясет) я чувствую злость.

– Районный суд города... по иску о восстановлении права пользования жилым помещением... Исаева Вадима Егоровича... Исковые требования удовлетворить в полном размере. Признать Исаева Вадима Егоровича вынужденно утратившим право пользования жилым помещением по адресу...

И дальше идет мой адрес. Смысл прочитанного доходит не сразу и не весь.

– Я не понимаю... что это значит? Мы купили эту квартиру, о каком праве речь?

– О таком, милая моя. Я здесь жил, был прописан. Потом выписался. А теперь вернулся и суд постановил, что я имею право здесь жить.

– Это бред!

– Можешь считать себя сумасшедшей, мне насрать. Дверь закрой с той стороны.

– Выметайтесь из моей квартиры! – кричу я, окончательно разозлившись. – Не знаю, что это за чушь, но...

Он вдруг поднимается, и злость снова сменяется страхом. Исаев выше меня и крупнее раза в два, он выглядит так, словно... меня осеняет жуткая догадка.

– Почему вы выписались из квартиры?

– Потому что я отсидел. По сто пятой статье. Если не соображаешь, погугли. И лучше тебе закрыть рот и дать мне поспать. Отныне и навсегда открывать его ты будешь только чтобы начать сосать, понятно? Вышла вон!

Я вздрагиваю, когда он срывается на крик. Я еще никогда не чувствовала такой ледяной, обжигающей ненависти.

В довершении слов Исаев грубо разворачивает меня к выходу и буквально выпихивает в коридор, с грохотом закрывая за мной дверь. Несколько минут я просто смотрю в стену, и меня трясет от пережитого.

Этого не может быть. Это какой-то сон. Страшный, неправдоподобный сон.

Я не могу оставаться с ним в одной квартире, поэтому быстро собираюсь и еду по адресу, написанному на листке с решением суда. В душе еще теплится надежда, что там понятия не имеют, что происходит. Очень удивятся написанному и посоветуют вызывать полицию. И уже к вечеру психа не будет в моем доме.

По дороге, сидя в шумном трамвае, я гуглю сто пятую статью. По коже проходит мороз и руки слабеют.

"Убийство".

Человек, который сейчас находится в моей квартире, спит в моей постели, убийца.

Господи, во что я вляпалась?! И почему на нас с Ваней снова обрушилось больше, чем мы можем вынести?

Оказывается, попасть в здание суда не так уж просто. На входе рамка и охранник дотошно расспрашивает, зачем я пришла. К счастью, лист с подписью и печатью его убеждает, и я оказываюсь внутри, понятия не имея, что делать дальше.

Чувствую себя полнейшей идиоткой. Как можно было дожить до такого возраста и не уметь постоять за себя?!

– Извините! – Я ловлю какую-то девушку. – Как мне найти судью... Федотовскую?

– А что вы хотели? Я ее помощник, Киры Андреевны нет на месте.

– Я хотела спросить вот об этом. Сегодня в мою квартиру завалился какой-то жуткий мужик и сказал, что имеет право там жить. Как это возможно и как обжаловать?

Девушка берет лист с решением и бегло просматривает, слегка хмурясь.

– Да, я помню это. Это значит, что, несмотря на утраченное право собственности, истец сохраняет право пользования квартирой. Потому что выписался из нее вынужденно, для отбывания наказания в местах лишения свободы.

– Но он не собственник!

– Да, поэтому за ним сохраняется только право проживания. Он не имеет доли в квартире, но может там жить.

– Но... но он же сидел! Как я буду жить там с ребенком?!

Девушка смотрит с сочувствием, но неутешительно качает головой.

– Вы можете подать апелляцию, конечно. Но маловероятно, что решение отменят. У нас, к сожалению, несовершеннолетние законы. Если человек сел в тюрьму, это не значит, что он утратил свои права. Тот, кто продал вам эту квартиру, должен был сообщить о том, что ранее в ней был зарегистрирован осужденный. Боюсь, вас просто обманули.

– И что теперь делать?

– Если вы собственник, попробуйте подать апелляцию. Либо договоритесь с Исаевым. Снимите ему отдельную квартиру, это решит вопрос с проживанием рядом. Но законными методами вы его еще долго не выселите.

– А сделку по продаже можно откатить? – осенило меня. – Если мы докажем, что не знали про сидельца? Что продавец умолчал!

– Вам лучше обратиться к профильному юристу. Я не смогу помочь, простите.

Я закрываю глаза, чтобы слезы не пролились. У меня нет денег на юриста. Ровно как нет денег и на съем отдельной квартиры внезапному соседу. И я даже не собственник: чтобы подать апелляцию, надо звонить отцу.

Часть меня верит, что папа тотчас примчится. Едва узнает, что рядом со мной и братом живет убийца, вышедший из тюрьмы, немедленно приедет и защитит нас от всех бед.

Но папа. Не берет. Трубку.

Я звоню снова и снова, слушая осточертевшие гудки. Сажу возле ворот и плачу, жалея себя, Ваньку, нашу с ним небогатую, но уютную квартиру.

Папа сейчас наверняка занят. Или спит? Правда в том, что я понятия не имею, в какой он стране и в каком часовом поясе. Зато отлично помню, как радовался он доставшейся по бросовой цене квартире.

– Не хуже, чем новая, а стоит меньше двух лимонов! – страшно гордился он.

Вот она, цена экономии. Хозяин просто "забыл" упомянуть, что в квартире прописан еще кто-то.

Сил почти не осталось, они все вытекли вместе со слезами.

Когда звонит напоминание, я, пошатываясь, бреду в школу, за братом.

Понятия не имею, где мы сегодня будем ночевать и как жить дальше.

Но не возвращаться ведь туда, где находится убийца. Это звучит как начало кошмара.

Вадим

Адвокат предупреждал, что в моей квартире живет какая-то баба, но, если честно, я представлял ее себе не так. В воображении это была такая классическая тетка за сорокет, в растянутом выцветшем халате. Одна мысль о том, чтобы прожить в ее компании несколько

месяцев, ввергала в уныние. Поэтому когда я открывал дверь, удивляясь, что новый владелец квартиры даже не удосужился сменить замки, я ждал нечего.

И тут из кухни выплыло ЭТО.

Худенькая, невысокая блондинка с огромными испуганными глазами и небольшим шрамом на нижней губе, почему-то придающим ей еще больше трогательной беспомощности. Она выбесила даже не тем, что впала в истерику, узнав о новом соседе, а тем, что оказалась юной и красивой.

Мне не хочется лукавить, в планах есть как следует натрахать с какой-нибудь шлюшкой. Но сначала надо достать денег, потом уже разбираться с инстинктами и удовольствиями. Десятка, занятая у адвоката, уйдет на первое время, и за это время надо вернуть свое бабло.

А в перспективе бабло, бизнес, жизнь.

Отомстить лживой сучке. И свалить из гребаной страны, которая годится лишь на то, чтобы драть налоги.

Блондинка по соседству здесь совсем не в кассу. Я не насильник, но смесь ненависти к бабам в принципе и трехлетнего вынужденного воздержания – адский коктейль. Хотелось бы, чтобы рядом не маячил катализатор.

Короткий сон немного приводит в себя. Сколько я не спал? Несколько дней. Перед освобождением и после, нажравшись в сопли, не веря, что это вообще возможно. Пока что это не свобода, у меня ничего нет, кроме призрачного права жить в старой квартире. Она совсем не изменилась, здесь даже не сделали ремонт.

Я поднимаюсь и бреду в ванную, чтобы умыться. Из зеркала смотрит жуткая рожа: небритый, с кругами под глазами. Есть, чего испугаться. Но сил приводить себя в порядок нет. Адски хочется жрать.

А еще действовать. Когда я думаю о том, что скоро сделаю все, о чем мечтал в тюрьме, начинают дрожать руки. Чтобы отвлечься и не свихнуться, я изучаю свое новое жилище.

В холодильнике нихрена нет. Замаринованная сырая курица, пара йогуртов и каких-то детских кексов, пачка молока и упаковка сосисок. Вот их можно сожрать, с ними не надо возиться. А больше на кухне ничего интересного нет.

В коридоре на тумбочке валяются квитанции и документы. Из них я узнаю, что соседку зовут Дарья Богданова. Я понятия не имею, сколько ей лет, но по виду едва ли больше восемнадцати.

Квартира многое может сказать о человеке. Открыв дверь в маленькую комнату, я ругаюсь сквозь зубы. У этой Дарьи есть ребенок. Это понятно по игрушкам и вещам. Значит, есть муж? О муже никто не предупреждал.

В детской ничего интересного, и я возвращаюсь в комнату, которую выбрал себе. Здесь пахнет женскими духами, приятным ароматом с легкой горчинкой. Есть раскладной диван, шкаф с книгами, письменный стол, телевизор. Жить можно, и я непременно воспользуюсь всем этим, а девица переживет. На что они все рассчитывают, покупая квартиры за копейки? Радуются, что обманули систему? Неужели не понимают, что могут всплыть вот такие вот сюрпризы?

Пусть теперь расплачивается за жадность и переезжает к ребенку. Я буду жить здесь, и меня мало колыхнет мнение левой девахи.

Хотя и очень симпатичной – на стене висят несколько фото. Обычная миловидная блондинка с обычным ребенком на руках. Он похож на нее. Точно, сын. Малолетняя залетевшая шлюшка и уголовник – отличное соседство, в духе времени.

Я выхожу на балкон и замираю.

Это ее кабинет. Она, похоже, мастер маникюра или типа того. Работает дома и оборудовала на теплой лоджии себе место.

– Кажется, кто-то только что лишился работы, – хмыкаю я.

Вряд ли у нее останутся клиенты, если узнают, что по соседству живет уголовник. Впрочем, это не мои проблемы, ровно как и то, как Дарья Богданова будет решать вопрос с доступом к своему кабинету.

– Ничего личного, просто мне насрать, – бормочу я, рассматривая полки с книгами.

«Задержка речевого развития. Формирование основ речи...»

Зашибись, у нее еще и ребенок тормознутый. Просто прекрасно. Черт, хочется верить, он хотя бы тихий. Судя по игрушкам, ему лет пять. Наверняка сейчас в садике или на каких-то занятиях. Твою мать, как все сложно. Почему все всегда так сложно? Не хватало еще воя ребенка, который вряд ли придет в восторг от постороннего мужика в квартире.

Осточертевший кнопочный мобильник звонит так, словно подает сигнал гражданской тревоги. Еще одно дело из числа срочных: добыть нормальный смарт. На него тоже нужны деньги, и этим я вскоре займусь.

– Слушаю.

– Как все прошло?

Да чтоб его. Не адвокат, а заботливый папочка. Удивительно, но я давно уже не могу ему платить, а он все роет носом землю и роет. Неужели того бабла, что я вбухал в его услуги, когда был под следствием, хватает до сих пор? Или просто надеется, что если некогда богатый клиент вернет позиции, то щедро отблагодарит?

В тюрьме я стал циником. Я и раньше им был, но после нескольких лет в одиночке из прагматичного дельца он превратился в настоящую мразь. СИЗО, а потом и тюрьма, кого хочешь сломают. У меня не было даже иллюзии, что вот выйду и все будет как прежде.

– Нормально прошло. Поорала, поистерила, куда-то свалила.

– Копию решения дал?

– Дал.

– Я так понимаю, советом привести себя в порядок и мягко объяснить ситуацию, ты не воспользовался?

– Да плевать. Переживет.

– Вадим-Вадим...

– У тебя все?

– У меня последний вопрос. Какие планы?

– А тебя колышет?

– Я не стану тебя защищать, если ты снова вляпаешься. Не лезь к бывшей. Не лезь к Прокопенко. Ни к кому не лезь, Вадим, начни новую жизнь, все с чистого листа. Приведи себя в порядок, отдохни немного, устройся на работу, сними комнату и съешь от бедной девочки.

– Ага, а еще из продавца стань старшим продавцом, женись на мерчендайзере и заделай ей троих детей в малогабаритной студии в ЖК «Гребеня». Задорные приключения маргинальной семьи. В одном ты прав, я приведу себя в порядок. А дальше – последнее, что я буду делать, это искать работу.

– И где же ты найдешь деньги? Надеешься, соседка станет подкармливать?

– Ну ты же подкормил, – усмехаюсь я.

На том конце провода раздается унылый вздох. Я никогда и не скрывал своего вольного отношения к законам, а после лет, проведенных за решеткой, и вовсе воспылал ненавистью ко всем правилам. И к представителям власти тоже.

Я отключаюсь и бреду на кухню. Там где-то попадались турка и кофе. Не помешает.

Приятный аромат наполняет кухню, и я замираю, вслушиваясь в него. Терпкий, пряный, бодрящий – я не пил хорошего кофе очень давно. Так давно, что даже простенькие зерна самого дешевого производителя кажутся напитком богов.

Надо принять душ. Побриться. Поспать столько, сколько получится, а с завтрашнего дня приступить к исполнению плана. Кажется, будто я несусь вниз с обрыва с головокружительной

скоростью. И совершенно плевать, разобьюсь в итоге о камни или успею выбраться из тонущей машины, главное – вот эти несколько секунд полета.

Сладкая месть.

Зря адвокат боится, что я натворю дел. Убивать непросто, я не решусь на это второй раз. А все остальное никак не навредит. Все остальное – лишь забавная игра.

Когда за окном уже начинаются сумерки, в двери нервно поворачивается ключ. Кажется, соседка с перепугу забыла, в какую сторону нужно крутить. Я задумчиво хмыкаю, не двигаясь с места. Я думал, она не вернется. Перекантуется у друзей или родственников. Что в голове юной сексапильной блондиночки, что она явилась ночевать в его компании? И, главное, как удержаться и не трахнуть ее, потому что теперь, когда есть и спать уже не хочется, мысль о золотистых кудрях и тоненькой нежной шейке с бьющейся в такт ударам сердца венкой довольно навязчива.

– Исаев Вадим Егорович? – вдруг слышу мужской голос.

А вот это уже интересно.

В прихожей донельзя странная компания: какой-то мужик лет пятидесяти, а за его спиной – Дарья и мелкий пацаненок лет пяти-шести.

– Вы – Вадим Исаев? – спрашивает мужчина.

– Ну, допустим.

Мужик достает из внутреннего кармана удостоверение, и у меня сводит челюсть от волны ярости, поднявшейся внутри.

– Степанов Сергей Эдуардович, участковый. Необходимо с вами побеседовать.

– Развернулся – и вышел, участковый. Я не на учете, а значит, могу послать тебя нахрен. Что и делаю. Иди нахрен.

– Не можете, Вадим Егорович. За оскорбление сотрудника полиции при исполнении – административка. Желаете оформить? Думается, вы не слишком-то хотите возвращаться за решетку, пусть и на пятнадцать суток. Поэтому давайте все же побеседуем. Дарья Сергеевна, я могу пройти на кухню?

– Да, конечно. Проходите.

Стерва. Привела-таки мента. Я надеюсь, ей все понятно по моему взгляду. Пусть забудет о том, что такое спокойная жизнь.

Глава вторая

Даша

– Простите, но я ничем не могу помочь. У нас нет отдельных комнат, а в общие спальни мы не селим детей без опекунов.

– Но я его сестра!

– Сестра не является законным опекуном ребенка.

– Ну пожалуйста! У нас дома авария, там невозможно жить! Нам некуда идти!

– Я вам сочувствую, однако не могу нарушить закон. Если бы вы были с девочкой, я бы, может, и закрыла глаза... но мальчик в женской спальне вызовет недовольство гостей, ровно как и девушка в мужской комнате. Поэтому извините, но без документов я не могу поселить вас с ребенком.

Я уныло бреду прочь. Это второй хостел, где нам отказывают, и везде нужны документы на ребенка! У меня есть Ванькино свидетельство о рождении, но в нем записана мама. Как только люди видят мой паспорт, они мгновенно сличают разные имена и начинают задавать вопросы.

– А что за авария у нас дома?

– Так... – вздыхаю я. – Трубу прорвало.

У меня нет денег снять квартиру, я могу рассчитывать только на койко-место в хостеле, но туда нас с братом не берут. И что делать? Не возвращаться же домой!

– Даш, ты грустная. Ты плакала?

– Нет, пыль в глаз попала, когда снимала клиентке покрытие.

– Я думал, ты сегодня не брала клиентов.

– Ну да, но она позвонила и попросила срочно отремонтировать ноготь. Тебе понравилось в школе?

– Я уже говорил. Понравилось. Но сложно.

– Верно. В школе сложно. Вам уже задали уроки?

– Только нарисовать рисунок.

– А на тему?

Хотя какая разница? Если все-таки придется снять жилье, то денег на краски все равно не останется. А за теми, что я покупала к школе, надо возвращаться домой.

Я рассчитывала набрать клиентов на начало сентября и подзаработать. Пусть без выходных, пусть до десяти вечера, чтобы потом поясница не разгибалась, а в глазах мельтешели черные мушки. В августе я угрожала все, что скопила, на Ванькину подготовку к школе. Я до панической атаки переживала, что он будет хуже других детей.

Мы купили форму, рубашки, спортивный костюм, рюкзак, все принадлежности, прописи, канцелярию. На день рождения брат просил красивый ланч-бокс, но я решила, что нет смысла ждать до октября, и купила к школе и его. На остатки денег и с парочки маникюров я закупила продуктами, рассчитывая отправить Ваньку в школу, и ударить по работе.

Но кто теперь пойдет ко мне на маникюр?

– «Моя семья», – говорит Ваня.

Я мысленно ругаюсь. Моя семья. Круто. Прекрасный завершающий штрих поганого дня.

– Я хочу нарисовать тебя, Даш. И все. Можно?

Сердце сжимается от жалости к нему и от обиды на маму. Помнит ли ее Ванька? Часть меня эгоистично хочет, чтобы забыл, ведь это я забочусь о нем столько лет. Я взяла ответственность за нас обоих, хотя сама была почти ребенком. Я бросила идею учиться, быстро закончила курсы маникюра и на несколько лет забыла о том, что дышу и существую не только для брата.

Это я вытащила его из пограничного с аутизмом состояния и добила, чтобы Ванька пошел в обычную школу. Это я отказывалась от еды, лишь бы не бросать логопеда.

Я. Я. Я.

Эгоистичная дурочка.

– В школе будут задавать вопросы, Вань. Ты же помнишь, о чем мы договорились?

Он кивает.

– Никто не должен знать, что мама и папа ушли.

– Да. Мне никогда не отдадут тебя.

Я умело подделываю мамину подпись, имитирую ее голос, бережно храню копию паспорта и стараюсь лавировать в мире, где все решают документы, основания... судебные решения.

– Даш, а куда мы пойдем?

В голосе Ваньки отчетливо звучит страх. Он тонко улавливает мое настроение. Как же ему объяснить то, что я сама не до конца понимаю?

Мне дико страшно возвращаться домой. Но ночевать на вокзале – не выход, Ване завтра в школу, да и что мы будем делать дальше? У меня больше нет жилья. Собрать вещи и попытаться снять квартиру? Или попробовать сражаться за свой угол?

Я выбираю второй вариант.

Быстрый поиск в гугле приводит меня к участковому. Он неплохой человек, как мне кажется, но выглядит смертельно уставшим и равнодушным. Пока Ванька играет на моем телефоне в коридоре, участковый выслушивает мой сбивчивый рассказ и внимательно читает судебное решение.

– А от меня-то вы что хотите? – наконец со вздохом спрашивает он. – Подавайте апелляцию, ищите юриста. Такие случаи не редкость. Незаконного проникновения нет, кражи тоже. Что я должен сделать?

– Не знаю...

Надежда, что хоть кто-то поможет, стремительно тает.

– Вот и я не знаю, Дарья Сергеевна. Сочувствую, ситуация неприятная.

– У меня же ребенок! Как мы будем там жить?! Он сидел за убийство! Понимаете?! Убийство!

Немолодой мужчина действительно жалеет меня. И от этого обиднее всего: если бы ему было плевать, я бы разозлилась. Написала жалобу, устроила скандал, добила каких-то действий! А когда тебя искренне жалеют, но не обещают помочь... тогда помогать и впрямь нечем.

– Ну, вот что, выселить его я не могу. Оставить вас здесь тоже. Но поговорю с этим Исаевым. Предупрежу, чтобы не чудил. Это все, что я могу сделать. Ну и дать вам мой номер. Если что-то случится, позвоните, я пришлю наряд. Хорошо?

Это не то, на что я рассчитывала, но хоть что-то.

Ванька порядком замерз, проголодался и устал. У меня адски болит голова и дрожат руки. Часть меня наивно надеется, что в квартире уже никого нет, что Исаев сбежал. И пусть бы он прихватил с собой все мое имущество, только оставил нас в покое!

Но нет. Когда мы заходим в квартиру, он выходит из кухни. И по взгляду я понимаю, что ничего хорошего от мужчины в моем доме ждать не придется.

Пока Сергей Эдуардович беседует с Исаевым на кухне, я быстро увожу Ваню в его комнату и помогаю переодеться.

– Даш, а кто это?

– Слушай... там случилась какая-то накладка у папы. Когда он покупал квартиру, то хозяйка ему соврала, что здесь никто не живет. А оказывается, жил этот человек. Он не знал, что квартиру нам продали. И пока мы не разберемся он, возможно, поживет здесь. А я перееду к тебе. Ты же не против?

Ваня хмурится.

– Ты поэтому плакала?

– Я немного расстроилась. Но ты же знаешь, каким рассеянным бывает папа. Уверена, он во всем разберется. Переодевайся и садись рисовать. Сейчас они закончат разговаривать, и я принесу ужин. А потом поваляемся и посмотрим какой-нибудь мультик, хорошо?

Прием беспроектный: Ваня любит смотреть со мной мультики, а я часто бываю слишком занята для этого. Хочется верить, мой страх ему не передастся, но я понимаю, что лишь успокаиваю себя. Любой испугается такого, как Вадим Исаев. Знать бы еще, что за убийство... или лучше не знать?

Время тянется бесконечно. Когда я слышу шаги, то осторожно выглядываю в коридор и слышу:

– Дарья Сергеевна, подойдите на секунду.

Стараясь не смотреть на жуткого соседа, я тенью проскальзываю в прихожую.

– Дарья Сергеевна, сожалею, что вам пришлось столкнуться с такой ситуацией. Надеюсь, вы разберетесь. Вадим Егорович пообещал, что с его стороны все будет в порядке. Мой телефон у вас есть, звоните в любое время.

– Спасибо, – с трудом выговариваю я.

Понимание, что Сергей Эдуардович сейчас уйдет и оставит меня наедине с этим уголовником, отзывается желанием разреваться от страха. И позорным порывом вцепиться в его куртку, словно я малое дите, и не отпускать, пока он не спрячет нас с Ванькой.

Участковый видит по глазам, как мне страшно, но лишь беспомощно качает головой.

Когда дверь за ним закрывается, я делаю глубокий вдох и заставляю себя не прятаться в комнате, подперев дверь комодом, а направиться на кухню, чтобы сообразить брату ужин.

Дорогу мне перегородивает Исаев.

– Стоять, – хрипло приказывает он. – Еще хоть раз ты приведешь ко мне мента – сильно пожалеешь, понятно?

– Только попробуйте навредить мне или Ване – сюда приедет наряд полиции. Понятно?

– Угрожать убийце – последнее, что должно прийти тебе в голову. С этого момента, нравится тебе или нет, я не хочу видеть ни тебя, ни твоего звереныша. Сунетесь в мою комнату – оторву голову. Будете мешать – оторву голову.

– У меня кабинет на балконе, я должна работать!

– Да мне насрать. Если узнаю – а я узнаю – что ты лазила по моей комнате, я тебе найду работу. С почасовой оплатой. Впрочем, можешь и так приходить. Если восемнадцать есть, само собой.

Я не хочу продолжать этот разговор, и молча ухожу на кухню. Не скатиться к обмену оскорблениями, когда он так общается, сложно, а в его среде я чувствую себя неуютно. И уязвимо. К счастью, новый сосед не идет за мной, и я могу спокойно приготовить для нас с Ваней ужин.

Меня не хватит ни на что, сложнее яичницы с сосисками, но, к счастью, Ванька обожает поджаристые сосиски. Пока схватываются яйца, я размышляю над тем, как мы будем жить дальше.

Придется перестроить весь быт, привычки. Как можно меньше выходить из комнаты, хранить не портящиеся продукты в шкафу, перенести к себе чайник и мультиварку, по возможности. Придется перестроить пространство, чтобы нам с Ванькой хватило места. Комната совсем небольшая, но я смогу всунуть туда раскладушку. А вот с работой будут проблемы, как ни крути, а поставить еще и стол для маникюра со всем оборудованием не выйдет.

Придется выходить в салон. Вряд ли я смогу заработать много, но лучше, чем ничего. Попрошу ставить записи так, чтобы успевать забирать Ваню из школы, а потом найду ему угол,

чтобы делал уроки и ждал конца моей смены. Домой будем приходить поздно, встречаться с Исаевым – реже.

Пока яичница томится под крышкой, я собираю все, что хочу убрать к себе. Чайник, мультиварку, посуду из расчета на двоих, остатки сладкого, чай. Немного подумав, не забираю кофеварку и кофе – я варю его на удивление отвратно. Даже не знаю, в чем причина, но с самого детства, какой бы кофе не попадал мне в руки, вместо ароматного и бодрящего напитка я получаю невнятную бурду к которой, впрочем, уже привыкла.

Сюда же идет аптечка. В кухне остается только посуда и немного продуктов. Я злюсь из-за того, что мы с Ванькой вынуждены в собственной же квартире прятаться и лишний раз не ходить на кухню. Злость притупляет страх. Вернувшись в комнату, я понимаю, что еда в меня просто не влезет. А вот Ванька за сегодня устал. Оказывается, пока я готовила, он уже справился с рисунком. На альбомном листе красовались три кривоватые фигуры: мама, папа и я.

Себя Ваня не нарисовал.

– Даш, а он кто? Ты его знаешь?

Хороший вопрос. Надо будет выяснить все же, что там за преступление. И как вообще Исаев здесь жил, на каких основаниях. Нанять бы юриста... но где же взять денег? Завтра провожу брата в школу и сяду считать вариант с кредитом на свой небольшой кабинет где-нибудь в офисном центре. У меня неплохая база клиентов. Я прыгала от счастья, когда год назад получилось обновить простенький кабинет на балконе. Мне нравится делать маникюр, хотя тоска по мечте учиться и получить профессию, иногда заглушает все удовольствие от работы.

Но я развиваюсь. Прохожу курсы, мастер-классы, постоянно пробую новые техники и материалы. Клиентов хватает, и если чуть поднять цены, возможно, получится вытянуть собственную студию, где можно работать. Я мечтала о своем салоне, но не думала, что вопрос встанет ребром так скоро и при таких обстоятельствах.

– Не знаю, Вань. Но узнаю. Давай, ешь и спать. Я ужасно устала сегодня.

Брат задумчиво ковыряет вилкой в тарелке, и я едва сдерживаюсь от того, чтобы не начать его подгонять. Это все равно бесполезно, и только его расстроит.

– Тебе страшно, Даш?

– Немного, – с трудом улыбаюсь я. – Ты же знаешь, я не очень люблю посторонних. Мало ли, кому он расскажет, что мы с тобой совсем одни?

Этот страх Ване понятен: он с нами уже давно. Ему совершенно незачем знать, каких ужасов я себе надумала.

Когда он заканчивает ужин, я тихонько отношу тарелки на кухню, но не решаюсь включить воду и вымыть. Мысленно я клянусь себя за слабость: нельзя же так бояться! Но все же возвращаюсь в комнату и обещаю себе завтра с утра быть чуточку смелее. Пока Ванька смотрит мультик на крошечном экране смартфона, я уговариваю себя решиться забрать рабочие материалы. Без них нам конец, мы просто умрем с голоду, и квартира перейдет в полное распоряжение Исаева.

Завтра я войду в СВОЮ комнату в СВОЕЙ квартире и заберу СВОИ вещи.

Я обещаю себе.

Я не боюсь его угроз. Я зайду, заберу вещи, и если мне повезет, то он даже ничего не узнает.

Ванька уже засыпает, и я выключаю смартфон. Комната погружается во тьму.

Я долго не могу уснуть, вслушиваясь в звуки из соседней комнаты, но там совершенно тихо. Мне хочется включить ночник, потому что воображение жестоко играет со мной, превращая обычные тени в отражения моих собственных страхов. Но тогда Ваня проснется.

– Даш... – сонно бормочет брат.

– М-м-м? Ты чего не спишь?

Вдвоем на кровати тесновато, но меня спасает, что когда мы въехали, здесь уже была полноценная односпальная кровать, и мы не покупали Ване детскую.

– Не бойся его. Он хороший.

– Не носи ерунду. Спи.

– Хороший, Даш. Только такой же грустный, как ты. Может, от него тоже мама с папой уехали? Как думаешь?

– Думаю, это его проблемы. А твоя задача – выспаться перед школой. Поэтому закрывай глазки и спи. Утром поболтаем.

Я и сама смертельно устала. Думала, этой ночью уснуть не получится, но тело неумолимо клонит в сон. Несколько минут я пытаюсь сопротивляться, сама не до конца понимая, зачем, но потом сдаюсь. Укутываю нас с Ванькой одеялом поплотнее и расслабляюсь, проваливаясь в сон.

Мне чудится в дверях какое-то движение и темный силуэт, но я не успеваю испугаться. На смену страшной реальности приходят не менее жуткие сны.

Вадим

Я не думал, что у девки, родившей лет в пятнадцать, предложение поразвлекаться будет вызывать праведный гнев. Ну то есть я угрожал ей, чтобы позлить и припугнуть, но на миг почувствовал себя работягой, помогающим до принцессы. Да ей лет восемнадцать! Пусть выглядит молодо, худенькая и мелкая, но пацаненку не больше пяти, а значит, Дарья Богданова не молодая мамочка, а юная шлюшка. И уж не ей играть роль недотроги.

Впрочем, мне плевать.

Я выхожу на балкон, откуда открывается вид на скромный дворик. Как и двадцать лет назад, он чистый, опрятный, но совершенно устаревший. В песочницу давно не завозили песок, а на турниках и качелях лишь обновили краску. Сколько там уже слоев? Можно определять возраст двора, как по кольцам у дерева.

Хочется курить, но сигарет нет. Я не думал, что вернуться сюда будет так сложно. А ведь придется прожить еще довольно долго, возможно, несколько лет прежде, чем получится взять какое-то жилье, да и вообще вернуться на прежний уровень. Если это получится, потому что не скатиться в депрессию адски сложно.

Здесь не делали ремонт. Только небольшую перестановку, и я пытаюсь убедить себя оставить все, как есть. Но руки так и чешутся вернуть все на место. Отмахнуться от модного зонирования и превратить квартиру в храм прошлого.

Но получится скорее склеп.

Надо звонить. Я оттягивал этот момент, как мог, но больше нельзя.

Больше всего я боюсь, что почувствую боль, услышав голос бывшей жены. Ту самую боль, которую я зарекся принимать от мироздания. Я договорился, она мне не нужна.

Гудки идут недолго – у нее нет этого номера.

– Алло.

Несколько секунд я вслушиваюсь в собственную реакцию и выдыхаю.

Ничего.

Ненависть, презрение, отвращение – да. Никакого намека на чувства. И никакого намека на боль, по крайней мере, связанную с бывшей.

– Говорите.

– Здравствуй, Лена.

Я уверен: она задыхается от ужаса, мгновенно узнав мой голос.

– Вадим...

– Узнала. Молодец.

– Как ты... что...

– Как я вышел? Адвокат попался хороший. Скостил срок по УДО. Не ожидала? Да, я просил тебе не рассказывать, решил сделать сюрприз. Как ты, любовь моя? Скучала?

– Что тебе нужно, Вадим?

Пожалуй, мне нравится этот страх в ее голосе. Граничащий с паникой. Ей полезно хорошенько просрать, и я дам еще много поводов. Но сначала надо получить то, что принадлежит мне.

– Мои вещи, Лена. Мне нужны мои вещи.

– Я же сказала, что все раздала. У меня больше нет твоих вещей, не нужно звонить, оставь меня в покое.

– А я тебе сказал, – с нажимом говорю я, – что если ты выбросишь коробку отца, я выйду и грохну тебя. Думаешь, я боюсь снова сесть? Думаешь, пожалею тебя? Только скажи, что ты ее выбросила, и я тебя найду, Лена, и придушу. А может, сброшу с моста. В зависимости от настроения. Кстати, я в тюрьме познакомился с интересными ребятами. Они, конечно, с летальными исходами не очень, но могут существенно осложнить твою дорогу к женскому счастью, если ты понимаешь, о чем я...

– Хватит! – Бывшая срывается на истеричный крик. – Прекрати! Я обращусь в полицию!

– Обращайся. Они со мной непременно побеседуют. Погрозят мне пальчиком и сделают строгое внушение. И я обязательно их испугаюсь и не поеду к тебе домой, на Проспект Мира, семнадцать.

– Забери их послезавтра. Меня нет в стране, я в отпуске. Тебе отдаст домработница. Там все, что мне отдали. И забудь о моем существовании, Вадим!

– История забудет, – холодно отвечаю я и отключаюсь.

Значит, Лена все же не решилась выбросить вещи отца. Хорошо. Для меня. Для нее это означает полный, беспросветный звез-дец.

«Не живите мезтью, Вадим Егорович. Она убьет вас. Вам повезло, у вас есть шанс начать новую жизнь. Не тратьте ее на ненависть», – говорила психолог в тюрьме.

Но у меня была на этот счет своя позиция. Если я не буду жить мезтью, смысла жить не будет вообще.

В квартире темно. Соседка уже утомилась. На кухне стоит аромат жареных сосисок и яиц, и я понимаю, что дико голоден. Но маленькая стервь утатила в комнату сковородку, чайник, мультиварку и даже гребаную лопатку для жарки.

– Дарья Сергеевна начала воевать, – хмыкаю я.

Меня не обломает сходить и взять все, что нужно, раз она хочет играть в эти игры.

На пороге комнаты я останавливаюсь, не в силах заставить себя войти внутрь. Вот эта комната и впрямь не изменилась. Те же обои в тонкую перламутровую полоску, металлическая кровать с изрисованным маркером изголовьем. Старенький стол, я готов поклясться, в нем все так же заедает верхний ящик. Разве что стул здесь новый, безликая хрень из икеи, но все остальное... люстра, шкаф, зеркало со сколотым краешком. Кажется, словно если я загляну в ящики, то увижу знакомые тетради, вкладыши от жвачек и старую-старую фотокарточку.

Где маленький мальчик сидит на пороге деревенского дома и от души тискает здоровенную собаку, размером больше него самого. А рядом, на покосившейся скамейке, на него с улыбкой смотрит отец.

Я прожил в этой комнате целых восемнадцать лет. Восемнадцать лет счастливого детства и юности. Потом менял гостиницы, апартаменты, дома, города и страны, но того ощущения уюта, особого умиротворения, возникавшего в часы заката, когда небольшая комната наполнялась ярко-оранжевым солнечным светом, я не испытывал никогда.

На моей кровати теперь лежит светловолосая девчонка. Она такая худая, что помещается на небольшом матрасе вместе с ребенком. Мальчишка крепко спит, а девка морщится и

ворочается. Наконец она устраивается поудобнее, прижимая к себе мальчика, поправляет ему одеяло и будто бы замечает меня в дверях.

Уже не хочется никакой яичницы.

Я быстро ухожу, чувствуя новую волну злости и ненависти. На этот раз за то, что у этих двоих есть семья. А у меня ее не осталось.

Удастся поспать всего несколько часов, но и они больше напоминают дремоту. Сон поверхностный и беспокойный. Хотя сейчас, впервые за много лет, мне не о чем волноваться. Я точно знаю, что буду делать, чего хочу и к чему все должно прийти. У меня нет никого, о ком можно переживать и ничего, за что стоит держаться. Это ли не лучшие условия для постройки идеального будущего?

Я бы солгал, если бы сказал, что хочу отомстить любой ценой. Что готов расстаться с жизнью, свободой, лишь бы отплатить бывшей и брату той же монетой. Нет, я собираюсь отомстить со вкусом, по возможности избежав для себя последствий. Я не просто уничтожу стерву и отморозка, по величайшей вселенской ошибке состоящего со мной в родстве, но еще и верну все, что потерял. И буду наслаждаться их агонией.

Когда за окном начинает брезжить рассвет, я понимаю, что вряд ли уже усну. Надо что-то съесть, но продуктов у Богдановой нет. Придется дожидаться открытия хоть какой-нибудь столовки. Ну а пока можно сделать кофе, который почему-то блондиночка не утащила в свою комнату.

В нижнем ящике находится турка, и через некоторое время кухня наполняется ароматом бодрящего кофе. День обещает быть долгим и тяжелым. Я не собираюсь ждать послезавтра, я более чем уверен, что вещи отца уже готовы. А Лена вовсе не на отдыхе, а судорожно ищет гостиницу на пару ночей, лишь бы не встречаться со мной. Ей это все равно не поможет, но любая рыба дрыгается перед тем, как ей отчекрыжат жабры.

Жаль, что нет ноута или смартфона, не мешало бы выйти в сеть и заказать пожрать. И у Богдановой нигде нет, словно ребенок у нее вообще не смотрит мультики. Или прячет, что правильно, но немного бесит. Она вообще меня бесит. Самим фактом своего присутствия, тем, что считает эту квартиру своей. Может, было бы проще, если бы новый владелец сделал ремонт, но все здесь осталось прежним, и я никак не могу смириться с присутствием в привычной обстановке чего-то раздражающего.

Сигарет нет, а сидеть наедине с самим собой тошно. Я вспоминаю, что в комнате был книжный шкаф, и, пожалуй, что-то унылое отлично подойдет сегодняшнему утру. Может, удастся немного поспать. Или хотя бы скоротать время до девяти, когда откроются магазины.

Когда я подхожу к шкафу, настроение становится еще поганее: все книги отца на месте. Квартиру продали не только с мебелью, но и с ненужным хламом, а эта малолетняя мамаша даже не подумала его разобрать.

– Да идите вы... – сквозь зубы цежу я, даже не притрагиваясь к шкафу.

Меньше всего хочется вспоминать, как ребенком я часами рассматривал корешки, придумывая замысловатым названиям собственные сюжеты. Отец смеялся, я обижался, и тогда он говорил «вот прочитаешь – тоже посмеешься».

Я так и не прочитал. Почти ничего из библиотеки родителей.

Вернувшись на кухню, я цепенею в дверном проеме.

Мелкий, едва-едва доставая до столешницы гарнитура, тянет свою тощую ручонку к турке, рискуя опрокинуть на себя кипяток.

– Ты охренел? – мрачно интересуюсь я.

Ребенок отскакивает от плиты и смотрит на него круглыми от страха глазами.

– Че надо?

– Извините. Я хотел взять турку. Можно?

– Нахер тебе турка в шесть утра?

- Кофе сварить. Нам скоро вставать в школу.
- В школу? – удивленно хмыкаю. – Какой-то ты мелкий для школы.
- Мне уже семь!

Семь... интересно, эта дура родила его в четырнадцать или у них это семейное: выглядеть младше своих лет?

- И чего ты собирался делать с туркой? Скажешь, кофе варить?
- Варить, – кивает пацан.
- А мамашка у тебя совсем безрукая? Сама себе не сварит?
- Она не умеет. Говорит, у нее не получается.
- Понятно.
- А вы кто?
- Я? Преступник.
- Настоящий?
- Конечно. Видел, вчера мент приходил? Это ко мне. Я даже в тюрьме сидел.
- Чем докажете?!

И почему я до сих пор с ним говорю? Взять за ухо, отвести к мамашке и пригрозить, что если еще раз ее щенок полезет, то откручу ему голову!

- Да ничем. В тюрьме фотки не делают.
- Татуировки покажите! Я в кино видел, в тюрьме у всех татуировки!
- А у меня нет.
- Как это?
- Вот так. Я один сидел. Некому было делать.

Мальчишка хмурится, обдумывая мои слова и, кажется, так для себя и не определяется, верить новому знакомому или нет. Зато с важным видом протягивает маленькую ладошку.

– Иван.

Я хмыкаю.

- А мать не заругает?
- Она спит!
- Аргументный аргумент. Окей, Вадим.
- А вы голодный?
- Есть такое.
- И я голодный. Давайте я вам скажу, где можно еду достать, вы достанете, и вместе съедем?

Где можно еду достать? В магазине, только он еще не работает.

– Ну, давай.

Иван тянет палец к верхнему шкафчику.

– Вон там лежат «барни»! Даша их прячет и выдает в школу по одному! Потому что у нас мало денег и надо растягивать удовольствие.

Какой интересный мальчишка. Я сто лет не разговаривал с детьми, и дело даже не в отсидке. Лена не то чтобы не хотела, скорее, относилась к этому пофигистично. Не получается – и плевать. Да и я не видел смысла убиваться ради наследников. Не такой уж великий генофонд. Сейчас, пожалуй, я радовался, что не завел с бывшей детей. Если бы в уравнении стоял еще и ребенок... страшно представить, кем бы он вырос, зная, что его отец – убийца.

Несколько минут мы молча едим кексы. Мальчишка, явно предвкушая смачные звездюли от матери, ограничивается одним и лишь завистливо смотрит, как я откусываю голову уже второму бисквитному медведю.

- Да ладно, вали все на меня. Ешь.

Его не надо долго уговаривать: за несколько минут мы на двоих приканчиваем сразу шесть пирожных, о которых теперь напоминают только обертки. Идеальное преступление. Малолетняя мамаша выйдет из себя.

– Иди, давай, пока звезды не прилетело, – от души – сытость все же делает даже такого отморозка, как я, добрее – советую.

Иван со вздохом кивает, сползая с табуретки. Кажется, заряд бодрости кончился. От сытой сладости ему снова хочется спать.

– Морду вытри, спалят.

Уже когда мальчишка плетется к выходу, я вдруг поднимаюсь и наливаю оставшийся в турке кофе в чашку.

– Эй, малой. На вот.

Пацан обеими руками, не боясь обжечься, сжимает кружку.

– Скажешь, сам сварил. Сдашь меня, расскажу, кто сожрал медвежье стадо, понял?

– Понял, – кивает он.

Потом пробует на вкус кофе, морщится и добавляет:

– Я же говорил Даше, что вы хороший.

– Ментам в отделении так же скажешь, когда твоя Даша на меня их напустит, – бурчу я.

Только когда мальчик возвращается в комнату и все стихает, я задаюсь вопросом: а почему, собственно, ребенок называет мать по имени?

Я клялся себе, что мне совершенно неинтересно, кто теперь владеет квартирой родителей. Но сейчас чуточку любопытно. Это первое проявление хоть каких-то чувств, кроме злости и ненависти, за много лет.

Это что, я еще и радоваться свободе начну?

Глава третья

Даша

Первое, что я вижу, когда просыпаюсь: чашка с кофе. От нее исходит божественный аромат. Но откуда в комнате горячий кофе?

Я резко сажусь в постели. Вани рядом нет. К счастью, брат тут же обнаруживается в кресле-мешке, играющим в какую-то игру на мобильнике. Когда он проснулся? Как я, имея в доме бывшего уголовника, умудрилась так крепко уснуть?

– Вань... ты где кофе взял?

– Сварил.

– Что ты сделал?!

Сначала мне хочется инстинктивно отругать его, но я успеваю спохватиться и засунуть свои нотации поглубже.

– А как ты сумел?

– В гугле посмотрел. Вот!

Он демонстрирует историю поиска, и мне становится нехорошо.

– Ты что, варил кофе в турке?! Ваня, плита! О, господи. Пообещай, пожалуйста, всегда меня предупреждать, когда собираешься ее включать. Хорошо?

Он кивает, и я слегка успоаиваюсь. В конце концов, ему семь. Достаточно взрослый, чтобы немного помогать по дому. И хорошо, что такое желание у него возникает.

– Ванюш, еще просьба. Ни в коем случае, ни за что, не говори с нашим соседом, ладно? Что бы он ни сказал. Не подходи к нему, ладно?

– Почему?

– Он плохой.

Ванька хмурится, и я боюсь, что начнет спорить, но, к счастью, брат только кивает.

– Пей уже кофе! В школу опоздаем!

Он еще горячий и очень ароматный. Я делаю глоток и жмурюсь от удовольствия. Божественный вкус! Почему, ну почему у меня не получается варить приличный кофе, хотя я делаю все по инструкции?

– М-м-м, Вань, обалденно! Где ты нашел рецепт?

– В гугле, Даш, я же говорил.

– Покажи страницу.

– Я не помню, какая. Вот, – он показывает кучу ссылок в истории браузера, – их много. Главное – не давать закипать.

– Ну ты даешь. – Я ерошу его волосы, и брат довольно жмурится, как кот, пригревшийся на солнышке.

В квартире, к слову, холодает. Отопление дадут еще нескоро, так что ближайшие недели мы будем кутаться в свитера и литрами пить горячий чай. Единственный плюс в том, что мы теперь живем в маленькой комнате – ее проще согреть.

Я вслушиваюсь в звуки в квартире, и Ваня замечает это:

– Он ушел. Я слышал. Сначала шуршал на кухне, а потом ушел.

– Хорошо. Давай, собирайся. Я тебе уже все подготовила. В школу пора. Я пока завтрак сделала.

В кухне меня ждет сюрприз: сволочь сожрал все Ванькины "барни", которые я покупала, чтобы давать ему в школу. Ну что за скотина! И я забыла их убрать.

– И что мне теперь тебе дать в школу?! Наличных нет даже на буфет!

– Не расстраивайся, Даш, – почему-то виновато говорит Ваня, усаживаясь за стол. – Сегодня всего четыре урока. Он, наверное, голодный был.

– Кто?

– В... сосед.

Ванька будто спотыкается на этом слове, и я смотрю на него с подозрением. Неужели снова откат? Логопед говорила, это возможно, особенно при стрессе. А тут и школа, и мужик по соседству. Ваня прекрасно видит мое состояние и не может не переживать.

– Ладно, по дороге зайдем в магазин и купим. Ешь давай кашу, я пошла собираться. Только не испачкай рубашку, вчерашняя еще не высохла!

– Даш! – окликает он меня. – А тебе правда понравился кофе или ты так сказала, чтобы меня не обидеть?

– Кофе офигенный. Видишь, весь выпила? Только больше не включай плиту, пока я сплю, хорошо? Предупреждай меня! Что? Что ты так улыбаешься?

– Ничего. – Ванька продолжает загадочно сиять.

Но у меня нет времени размышлять над природой его веселья. Я должна воспользоваться отсутствием Исаева: отвести брата в школу и, пока соседа нет, забрать свои вещи и рабочие инструменты.

По дороге в школу мне некогда злиться, но по пути обратно я буквально закипаю от возмущения. Хорошо, допустим – всего лишь допустим! – я могу понять ситуацию, когда продавец квартиры оказался нечист на руку, а покупатель – больной на голову, и получилось то, что получилось. Человек освободился, ему нужно где-то жить, и в ситуации с продажей квартиры он тоже пострадавший.

Но Исаев ведет себя как подонок! Может, надеется выкурить нас и жить в одиночку? Это вряд ли, я точно не готова спать под забором.

Так я подбадриваю себя всю дорогу, но несмотря на то, что злость доходит до точки кипения, открывая дверь, я едва дышу. Стараюсь все делать бесшумно и, лишь когда понимаю, что новый сосед еще не вернулся, выдыхаю. Мне хочется пойти на кухню и сделать себе завтрак, чашка кофе, пусть и божественного, с утра – все, что мне удалось закинуть в желудок. Но сначала надо собрать вещи. От них зависит наше выживание.

Я начинаю с кабинета. Просто перетаскиваю все в комнату, не заботясь о порядке. Лампа, лаки, расходники, вытяжка, аппарат – только когда последняя коробка с материалами оказывается в нашей с Ваней комнате, я немного успокаиваюсь. И в очередной раз думаю о том, чтобы перенести и стол.

Да, в спальне мало места, но если убирать раскладушку, немного подвинуть Ванькин стол и убрать в угол шкаф – войдет мой рабочий стол. Да, не всем клиентам понравится новое рабочее место с ребенком по соседству, но хоть какая-то возможность заработать будет.

Только имею ли я право приглашать в квартиру посторонних девушек, имея такого соседа?

Я готова разреваться от обиды! Но времени на это нет. Стол тоже переезжает в нашу комнату. Пока что он лежит кверху ножками на Ванькиной кровати, и страшно представить, сколько времени уйдет, чтобы все разобрать.

Туда же я скидываю свою одежду из шкафа, косметику, все, что теоретически может мне понадобиться. Я так устаю, что едва шевелюсь, но почти все вещи перенесены, и теперь остается лишь придумать, где все хранить. Я не строю иллюзий: Исаев узнает, что я была в «его» комнате. Но собираюсь до последнего отстаивать свое право на собственные вещи.

В конце я подхожу к книжному шкафу. Он достался нам вместе с квартирой, от прошлых владельцев. Здесь и старые книги, и относительно новые издания. В основном книги по истории, но и целых три полки приключений. Дюма, Жюль Верн, Джек Лондон, Гамильтон, Булычев – настоящее сокровище! Ванька любит слушать фантастику на ночь. Конечно, я могу скачать любую книгу, чтобы почитать брату и отвлечься самой, но читать с бумаги – особое удовольствие.

Я выбираю несколько книг, стараясь вытащить их так, чтобы со стороны не было заметно. Цикл про Алису от Кира Булычева, «Астровитянку» Горькавого, Айзека Азимова и, конечно, рассказы про Шерлока Холмса. Жаль, нет «Гарри Поттера». Ванька обожает эти фильмы. Я очень хочу накопить денег и подарить ему на день рождения полный комплект, чтобы читать на ночь.

Точнее, хотела. Теперь бы выжить.

Ненавижу! Снова придется дарить какую-то недорогую фигню! Да когда я уже смогу воспитывать брата нормально?! Чтобы у него был хороший телефон, самокат, компьютер?!

Когда я в сотый раз окидываю взглядом комнату и понимаю, что перенесла все, что хотела, я перехожу к еще одному делу, не менее важному, чем вещи. В магазине по пути из школы я купила три здоровые щеколды, и теперь прибиваю их к двери изнутри. Вряд ли они, в случае чего, спасут, но мне так спокойнее. Еще одну я прибиваю к двери ванной, и одну – к кухне. Да, в этом случае они могут сработать и против меня, но я хочу быть уверена в безопасности, когда ем или моюсь.

– Будем жить, как в коммуналке. Следовало ожидать чего-то такого. Если жизнь вляпалась в дерьмо, чем дальше – тем сильнее воняет.

Сил больше нет. Я чувствую себя такой уставшей, что не могу пошевелиться. Надо начать разбирать вещи, продумывать перестановку, заказать раскладушку и желательно приготовить обед до того, как придется идти за Ваней, но руки дрожат от напряжения.

– Десять минут. Десять минут отдыха! – говорю себе я.

Сажусь прямо на полу и открываю первую попавшуюся книгу. Между слегка пожелтевших страниц я вижу фото. Обычное фото, слегка выцветшее, но неплохо сохранившееся. Таких сотни сейчас в каждом телефоне: школьник с ленточкой выпускника и улыбающийся пожилой мужчина, обнимающий его за плечи.

Я долго всматриваюсь в лицо парня на фото.

Должно быть, фото сделано лет пятнадцать-двадцать назад. С тех пор он изменился. Его почти не узнать, небритого, неспособного на улыбку и человеческие чувства. Но черты все равно угадываются. Это Вадим Исаев.

О, господи. Почему я об этом не подумала? Он не просто был здесь прописан, он здесь жил!

Я переворачиваю фото.

«Прокопенко Е.И., 2003 г.»

Восемнадцать лет назад... значит, сейчас Исаеву от тридцати четырех до тридцати шести.

Вадим Егорович.

«Е.И.»

Отец? Черт, я точно помнила, что отцу продал квартиру не Исаев, там была другая фамилия... не Прокопенко ли?

Документы, к счастью, папа не стал забирать, и я храню их в ящике со всей макулатурой вроде гарантийных паспортов на технику. Ящик тоже переехал из большой комнаты, нужно только его найти. Несколько минут поисков – и я уже достаю «зеленку», чувствуя, как нарастает волнение.

У меня только что появился шанс сразаться.

«Прокопенко Артем Егорович, 1988 года рождения».

Егорович...

– Как же тебя найти, Артем Егорович... как же сделать так, чтобы ты заставил своего братца навсегда уехать из моего дома...

Вадим

Я прав по всем фронтам: бывшая побоялась со мной встречаться. И не стала тянуть со сбором вещей до послезавтра. А еще мразь «забыла» сообщить домработнице, кто я. Как мило,

неправда ли? Если к вам домой собирается навеститься убийца, только-только отсидевший, не будет ли хорошим тоном предупредить миленькую девицу из соседних республик?

Но нет, она с улыбкой отдала мне здоровую коробку и даже любезно угостила кофе. А я получил возможность осмотреться в доме. Лена неплохо устроилась на мои деньги и, похоже, они еще не закончились. Наверное, потратить я силы и время на суды, я бы мог вернуть часть того, что осталось. Это и предлагал адвокат. Но серьезно? Лаяться с бывшей женой за копеечку, доказывая, что я имею на нее право?

Нет уж, спасибо. Подожду, когда Елена сама приползет ко мне, виляя задом. Пока ей наверняка помогает братик, но и он скоро сольется.

Я малодушно дохожу до ближайшего парка и, найдя скрытую от посторонних глаз лавочку в тени деревьев, ставлю на нее коробку. Не хочу копаться в ней в квартире. И слушать вопли Богдановой на тему сожранных медведей тоже не хочу. Не сейчас, по крайней мере. Девица и ее пацан довольно забавные, но я точно не хочу, чтобы они совали нос в мое прошлое.

От отца осталось не так уж много вещей, во всяком случае, для меня. Все, что можно было продать, брат продал. В коробке в основном всякий хлам. Увы, нет никаких фотоальбомов и пленок. Мои аттестаты, дипломы, золотая медаль – порядком выцветшая и почти превратившаяся в бронзовую. Трудовая книжка, как брошенная в восемнадцать лет, так и валяющаяся здесь, среди никому не нужных документов.

Свидетельство о смерти. Меня берет злость – брат даже не хранит его, кинул в коробку с хламом.

«Прокопенко Егор Иванович, 20 августа 2018 г.»

Отец умер на следующие сутки после оглашения приговора, но мне сказали только через семь месяцев. Я только и успел рыкнуть в трубку, что если Артем выбросит мои вещи, я его достану, я со всей колонией передружусь, но найду того, кто скоро выходит, но очень хочет обратно. Повезло: брат всегда был ссыком, и к тому же не успел разбазарить все, что получил в наследство.

Еще в коробке какие-то записи отца, старые письма. И на самом дне несколько больших ярких коробок, при виде которых горло сжимается от накативших воспоминаний.

Наверное, я был хреновым сыном. Даже не наверное, а совершенно точно. Попытки отца спустить меня с небес на землю всегда вызывали раздражение, а его нежелание переезжать из старой квартиры – злость. Чего он цеплялся за старую жизнь? Дети выросли, выбились в люди, могут подарить тебе дом в хорошем поселке, с охраной, домработницей – ну зачем, зачем жить в старой халупе? Но папа наотрез отказывался пользоваться моими деньгами. И постоянно, на каждый праздник, дарил мне эти дурацкие наборы.

Он любил историю, приключения, фэнтези. Любил читать, погружаться в другие эпохи и миры. Собирал библиотеку и просто тоннами поглощал всю современную литературу, до которой мог дотянуться. Единственный мой подарок, который он оценил – электронная книга с доступом к хорошей библиотеке.

Он дарил мне сборные модели кораблей, техники, механизмов. По большей части кораблей: парусников, лайнеров, авианосцев. Когда-то в детстве мы с ним действительно проводили вечера за сборкой пиратского фрегата, но с того времени прошло больше двадцати лет, и на кой хрен взрослому мужику детские модельки?

А сейчас я жалею, что отмахивался и складывал наборы в подвале, не глядя. Несколько я даже забыл у отца: приезжал, чтобы поздравить его с новым годом, получал очередную коробку и случайно (или «случайно» забывал ее у него в прихожей). Оказалось, папа их хранил.

Какой-то парусник и тот самый пиратский корабль. Старое издание, неужели он каким-то чудом его нашел? Удивительно. Я не обратил внимания, а сейчас смотрю на выцветшую со временем картинку и хочется выть. Все казалось, что у меня куча времени. Еще настанет какое-то «потом», когда я разгребу дела, работу, встречи, и проведу время с отцом. Дела не

разгребались, работа сменилась арестом, а встречи остались только с адвокатом. И времени с отцом уже не будет.

Я открываю коробку и долго перебираю деревянные детальки. Пузырьки с красками давно засохли, но остальные элементы все так же ждут, когда на них обратят внимание, когда позволят им превратиться из вырезанных в тонкой фанере фигурок в красивый корабль с развеваяющимися на воображаемом ветру парусами.

И вдруг, помимо инструкции и спецификации, я замечаю толстый конверт, подписанный рукой отца.

«Вадик».

Еще до того, как я открываю конверт, я знаю, что найду внутри.

Деньги – все, что я дарил отцу. Тысячи долларов.

«Папа, найми бригаду и сделай уже ремонт, как тебе нравится».

«Папа, обнови, пожалуйста, технику, у тебя еле пашет плита».

«Папа, не знал, что тебе подарить, выбери то, что нравится».

«Пап, не успел ничего купить, но ты найдешь, куда потратить».

Я даже не хочу считать, сколько здесь. Наверное, хватит, чтобы выбраться из задницы, в которую я угодил, но мне не нужны эти деньги. Я бы отдал их все, чтобы поговорить с отцом. Удивительно, как Артем их не нашел. Он вряд ли заглядывал в коробку.

Помимо денег я замечаю небольшое фото, еще со времен полароида. Миловидная женщина на пляже, на берегу моря, держит рыдающего младенца. «Крымская драма: Анечка не разрешила Вадика есть песок».

Как счастливая и самая обычная семья из мамы, папы и двоих сыновей, превратилась в то, что мы имеем сейчас? Я бы хотел обвинить во всем деньги, которые испортили нас, но правда в том, что мы сами отказались от того, что имели.

Надо взять себя в руки и подумать, что делать дальше. Деньги из коробки отца решают часть проблем, но теперь у меня нет права на ошибку.

Я стараюсь не думать, что посоветовал бы с деньгами сделать отец. Вряд ли он одобрил бы жгучее желание отомстить жене и брату. Он бы надеялся, что я найду жилье, работу, выстрою новую жизнь на обломках прежней.

Но я так часто его разочаровывал, что еще один раз не сыграет роли.

Возвращаясь домой, я так погружен в свои мысли, что не сразу замечаю изменения в комнате. А потом доходит: Богданова забрала весь свой хлам. Но он меня мало интересует. Стервь копалась в книжном шкафу отца.

Собираясь залететь в ее комнату и уже по ходу дела разобраться, что я буду делать с маленькой дрянью, я вдруг неожиданно для самого себя врезаюсь в дверь.

Замок?! Она повесила замок?!

Ладно, возможно, какие-то зачатки мозга у нее есть. Хотя будь у нее мозги, дурочка бы не додумалась остаться со мной наедине. Я громко стучу в хлипкую дверь, и отстраненно думаю, что она может и не выдержать.

– Открой немедленно!

За дверью тишина. Мышка затаилась и надеется, что кот не знает, что она там. А изнутри закрылись, видимо, тараканы.

– Я сказал, открой немедленно, иначе я тебя снаружи заблокирую, и твой щенок будет куковать в школе прямо до выпускного.

Спустя несколько секунд раздаются три щелчка. Заходя в комнату, я мельком кошусь на три здоровые щеколды, и даже начинаю слегка побаиваться соседку. Как-то же она умудрилась их прибить.

– Это мои вещи!

Ух, какая дерзкая. Растрепанная, напуганная, но боевая. Да, я бы ее трахнул. Жаль, не согласится добровольно, а брыкающиеся девицы никогда меня не привлекали. Да и такой в рот давать страшно, не откусит так покусает.

– Я их купила! И я имею право их забрать!

– Книги верни, – спокойно говорю я.

Богданова настолько не ожидает такого поворота разговора, что удивленно моргает и... мигом из готовой сражаться забавной зверушки превращается в испуганную.

– Книги мои, и ты это знаешь. Верни на место.

– Я...

– Я тебе даю пять минут, и чтобы книги стояли там, где стояли до этого. Иначе я устрою тебе и твоему индюшонку веселую жизнь, и можешь звонить участковому, старшему по подъезду, в техподдержку провайдера, на прямую линию президенту. Доступно выражаюсь?

– Я просто хотела почитать их Ване.

– В интернете скачаешь! – отрезаю я.

К счастью, Богданова не собирается дальше спорить. Она молча подхватывает стопку книг и несет ее в мою комнату, старательно избегая даже смотреть на меня.

– Ну и срач у тебя, – хмыкаю я, рассматривая горы хлама в крошечной комнатке.

Зато так она больше не напоминает ту, в которой прошло мое детство.

– Да, кстати, если ты рассчитываешь, что к тебе будут ходить курицы с когтями, то забудь.

Мне нахрен никто не вперся здесь.

– Это моя работа!

– Да мне насрать. На работу надо ногами ходить. Вот и поищи что-нибудь. В конце концов, на трассе всегда полно вакансий. Увижу здесь посторонних – прибью. Тебя. Или посторонних.

– А жить мне с ребенком на что? Вы меня кормить будете?

Надо же, какая вежливая девочка. Я ее только что с ног до головы полил дерьмом, а она мне все «выкает». И даже кажется ни разу не сматерилась. Интересно, Дарья Богданова, как вывести тебя на настоящие эмоции? Есть где-то предел твоему терпению?

Я как будто в шестом классе, довожу сидящую впереди одноклассницу до истерики, дергая за косичку.

– Ну тебе же хватило ума залететь в четырнадцать, хватит и найти работу. Прокормишься.

Она открывает было рот – наверняка хочет высказать за сожранных якобы мной медведей – но не решается ничего сказать, и просто уходит. Оставляя мне только слабый флер духов с горчинкой и стопку книг на журнальном столике.

Я беру самую верхнюю из стопки, пытаюсь вспомнить, читал ли, но не могу. Даже если и читал, то в глубоком детстве, воспоминаний о котором почти не осталось. Жаль. Сейчас даже не тянет.

Зато тянет еще немного подразнить Богданову. По необъяснимой причине она меня цепляет. И я намеренно ищу конфликта. Даже не собираюсь скрывать, что планирую ее выбесить. Беглый осмотр ванной комнаты – и остается только дожидаться, когда Дарья отправится в душ. А перед этим можно представить все в красках и передернуть. Хотя тот факт, что меня возбуждает соседка, не радует.

Но с другой стороны, я все-таки вышел из тюрьмы, почему меня не должна возбуждать симпатичная девица? Надо все-таки найти кого-нибудь на пару ночей. Деньги, конечно есть, теперь это проще, но тратить чудом свалившееся бабло на шлюх глупо. Так что дрочить на Богданову в душе – бюджетный вариант.

Я пытаюсь думать, считать деньги и прикидывать, как именно их можно использовать, чтобы выбраться из жопы, но на самом деле жду. Вот Богданова гремит у себя: переставляет

мебель и разгребает хлам. Вот несется прочь из квартиры, вероятно, за ребенком. Вот они возвращаются, и она запирается на кухне (хм... в эту игру ведь можно играть вдвоем). Оттуда доносятся аппетитные запахи, я понимаю, что голоден, но продолжаю ждать.

Потом долгие нудные уроки. Богданова все же странная и совсем не похожая на родившую по малолетке. Уж очень ответственная, до тошноты правильная. Когда, наконец, из комнаты раздаются звуки мультиков, хлопает дверь, и я замираю в предвкушении.

Соседка отправилась в душ.

Секунда... две... три... шум воды – и девчачий визг, от которого мне почему-то смешно.

Сначала она не понимает, что происходит и почему отключили горячую воду. Но наверняка догадается проверить вентиль и...

– Вы что, думаете, это смешно?! Вам пять лет?!

От неожиданности я давлюсь кофе, который пил, потому что Богданова залетает в комнату в полотенце. С волос капает вода, а глаза пылают праведным гневом – и он заставил ее начисто забыть о страхе передо мной.

– Да, довольно забавно, – сдавленно говорю я.

И не только потому что кофе попал не в то горло.

До Богдановой наконец доходит, в каком она виде. Щеки заливает румянцем, и через секунду ничто, кроме капель воды на полу, не напоминает о том, что она здесь была.

Пожалуй, неплохой выдался день. Может, всегда начинать утро с пожирания чужих медведей?

Глава четвертая

Даша

Очень сложно скрывать эмоции в присутствии брата. Меня буквально колотит от злости, но нужно делать вид, будто я совершенно спокойна.

И почему безобидная гадость выбила меня из колеи?

Исаев может тысячами способов усложнить мне жизнь. Может ударить, изнасиловать, обокрасть, может устроить в квартире притон. А он всего лишь закрутил вентиль, и меня окатило ледяной водой в душе. Издевка более уместная в какой-нибудь дурацкой комедии. Не скажу, что забавная или умная, просто дебильная шутка. Я испугалась, разозлилась на себя же за несдержанность и... как идиотка выскочила в одном полотенце.

Чтобы что? Пристыдить? Потребовать извинений? На что я рассчитывала?

И теперь долго не забуду пристальный взгляд, который, казалось, был таким обжигающим, что я почувствовала себя голой. Ну и вспомнила, что на мне ничего, кроме полотенца.

Как?! Как можно быть такой беспечной?!

Он опасен. Он убийца. Он только что вернулся из тюрьмы.

Тюрьма, Даша, это место, где нет девушек. И где за убийство очень долго сидят. Вадим Исаев – последний человек, перед которым надо разгуливать в полотенце. В его присутствии вообще надо заворачиваться в штору и не поднимать глаз.

– Учительница сегодня спрашивала про маму, – вдруг говорит Ваня.

Он сейчас лепит поделку на урок труда, делает ежа из шишки и пластилина. Я стараюсь не вмешиваться, хотя соблазн превратить детскую поделку во взрослую довольно сильный. Досады добавляет то, что где-то в недрах нашего района какой-нибудь папаша сейчас сосредоточенно пилит трехэтажный скворечник на выставку «Первоклассники встречают осень».

– А ты что сказал? – Я напрягаюсь.

– Что папа в Европе, занимается бизнесом и прилетает на выходные. А мама в командировке. За мной присматривает старшая сестра.

– Молодец.

Я стараюсь улыбаться безмятежно и равнодушно. Ванька знает, что лучше никому не рассказывать, что родители нас бросили, но думает, что иначе их накажут. Он понятия не имеет, что его могут забрать, и я не хочу пугать его... раньше времени.

Но долго так продолжаться не может. Рано или поздно все вскроется, я не смогу долго делать вид, что родители просто уехали. И мне нужно придумать, как сделать так, чтобы брат остался со мной. Для этого нужен юрист, для юриста – деньги. И у меня, черт возьми, был план, как их заработать! А Исаев мне его разрушил...

Я так резко подрываюсь с кресла, что пугаю брата, но я всего лишь беру смартфон. В какой соцсети может сидеть относительно молодой успешный мужчина? Ставлю на фейсбук.

На мою беду там достаточно много Артемов Прокопенко, но фильтр по году рождения и городу сужает поиск до трех. Конечно, он мог не поставить в сети дату рождения, а еще мог десять раз переехать, но я надеюсь на удачу. Всем троим я отправляю сообщение:

«Артем Егорович, здравствуйте!

Меня зовут Дарья Богданова, несколько лет назад вы продали моему отцу квартиру. Вчера приехал ваш брат, он утверждает, что имеет право в ней жить. Мне бы хотелось понять, что это за человек, правду ли он говорит и как такое возможно. Вы не могли бы со мной связаться? Мой номер...».

Даже если я попала в яблочко, надежды, что Прокопенко ответит, почти нет. Неужели он не знал о брате? Продавал квартиру дешевле рынка, торопился – все говорит о том, что это было сделано специально. И почему у них разные фамилии?

Но мне нужно за что-то цепляться, верить, что все наладится и образуется. Что наша с Ванькой квартира снова будет нашей, этот жуткий псих исчезнет, и я буду со смехом рассказывать о случившемся подругам.

Ага. Которых у меня нет.

Я уже укладываю Ваню спать, когда на экране смартфона загорается неизвестный номер. С колотящимся сердцем я нажимаю «ответить».

– Дарья?

Приятный мужской голос, в котором я тщетно пытаюсь найти знакомые оттенки.

– Да. Артем Егорович?

– Да, я увидел ваше сообщение. Скажите, вы серьезно? Мой брат приехал?

– Да, вчера. Если хотите, могу дать ему трубку.

На том конце провода наступает пауза.

– Не думаю, что это хорошая идея. Мы почти не общаемся. Честно сказать, я немного в шоке, не ожидал, что он выйдет так рано. Дарья, можете пояснить, на каком вообще основании он претендует на квартиру?

– Я точно не знаю, но у него есть решение суда. Что-то насчет того, что он не собственник, но имеет право проживания. Не уверена, что смогу вам объяснить. Артем Егорович, я не стала бы вас искать, если бы не волновалась. Я живу с ребенком, а ваш брат... он грубый, жестокий, он пугает и меня и моего маленького брата. Вы знаете, как на него повлиять? Как сделать так, чтобы он оставил нас в покое?

– Мне нужно взглянуть на решение суда, Дарья. Возможно, мои юристы и смогут обжаловать его, но не могу ничего сказать сейчас. Если не сложно, сфотографируйте мне все документы, что он предъявил, и скиньте в телеграм. И давайте встретимся, я хочу узнать подробности. Завтра в семь вечера вас устроит?

– Я не могу вечером, извините. Я должна присматривать за братом.

– Тогда днем? Но вам придется приехать в центр, у меня будет не больше часа на ланч.

– Конечно. Напишите адрес.

– Тогда до встречи. Дарья...

Артем мнетя, словно не решается задать вопрос.

– Скажите, вам угрожает опасность?

– Я надеялась, это скажете мне вы.

– Вадим не садист и не насильник, его дело намного сложнее, чем кажется на первый взгляд, но... если что, можете звонить мне.

– Спасибо.

Список тех, кому я могу позвонить, если Исаев разойдется, все растет и растет.

– Тогда до встречи. Не забудьте про документы.

– До встречи.

Кажется, дело сдвинулось с мертвой точки. Может, брат сможет найти управу на Вадима, и он таки исчезнет из нашей с Ванькой жизнью, так и не успев стать ее неотъемлемой частью?

Утром соседа снова нет, и я расслабляюсь. По крайней мере страх, что он устроит здесь алкопритон или будет пугать Ваню, притупился. Меня все еще одна мысль об Исаеве вводит в состояние бессильного гнева, но хотя бы нет удушающей ледяной паники, проникающей в самое сердце.

И встреча с его братом сулит хоть какую-то надежду. Во всяком случае, Прокопенко не послал меня и даже отписался, что получил фото документов, а значит, либо и впрямь не знал о лазейке в законах, позволяющей Исаеву здесь жить, либо выиграла совесть. Как бы то ни было, о том, что я собираюсь на встречу с Артемом Егоровичем, Исаеву лучше не знать.

Я отвожу Ваню в школу, по пути заскакивая за продуктами и параллельно размышляю о том, как быть дальше с работой. Сосед явно дал понять, что если ко мне начнут приходить

клиентки, то он перестанет быть таким паинькой. Значит, нужно обзванивать салоны. И – я знаю, что это безумие, но не могу избавиться от мыслей о мечте – помещения под свой кабинет.

Если бы нашлось что-то в пределах шести-восьми тысяч... это даже меньше, чем процент, который я буду отдавать салону. Но где взять такие цены? Разве что на совсем небольшую площадь... или на часть большой. Может, есть какие-то студии, которые ищут мастеров не на аренду, а на процент?

Всю первую половину дня я посвящаю поискам. И результаты не такие уж печальные, как я думала. Без кредита не обойтись, но это будет не такой кредит, который я не смогу отдать с заработанных денег. Только кто бы мне его еще дал...

Город накрыло резкое похолодание. Когда мы с Ваней утром шли в школу, кое-где даже виднелась изморозь. Холод с улицы постепенно пробирается в дома, но отопление включать не планируют. Я уныло думаю о том, что скоро счета за коммуналку вырастут чуть ли не вдвое, и лучше бы мне встать на ноги до этого момента. Нельзя отменять клиентов дольше недели. Сейчас я вру, что заболела, а дальше?

Несмотря на то, что на мне теплые шерстяные носки и уютный бежевый свитер, холод пробирается под кожу, согреться никак не получается. Я долго уговариваю себя не обращать внимания, пью третью чашку горячего чая и жалею, что Ванька с утра не сварил мне кофе. Просить как-то странно, но я так давно не пила вкусный кофе, что до сих пор вспоминаю его запах со вчерашнего утра. Повторить даже не пытаюсь, на мне определенно какое-то кофейное проклятье.

Зато я могу согреться в душе. Соседа нет, до конца Ваниных уроков еще несколько часов, и горячая вода – то, что нужно.

Я быстро юркаю в ванную, которая быстро наполняется теплым паром, и встаю под тепло в чистом виде. Ледяные руки и ноги даже ломит, хотя вода совсем не горячая, я вообще не переношу горячую воду, яркое солнце и жару. Но даже этого тепла хватает, чтобы я расслабилась и... беспечно забыла про щеколду.

Не так-то просто перестроить жизнь и привычки. Особенно когда тебя уже не так преследует страх.

Шторка полностью закрывает меня от внешнего мира, а его – от меня. Я смываю шампунь, крепко жмурясь, чтобы не промывать потом глаза, и, когда уже собираюсь заканчивать, вдруг происходит что-то непонятное. Прежде теплая и очень комфортная вода превращается в кипяток, он обжигающим потоком проходится по моим плечам и спине. А прежде, чем я отскакиваю и дотягиваюсь до ручки, выключая воду – и по груди.

От боли у меня перехватывает дыхание, вода не просто горячая, она кипяток. Я уверена, что кожа стремительно покрывается красными пятнами. А еще у меня сами собой из глаз катятся слезы.

– Запираться надо, – слышу насмешливый голос.

Хватаю со стиральной машинки полотенце и быстро заворачиваюсь, чувствуя, как накаливается тошнота. Я смотрю на Исаева со смесью страха и недоверия.

– Вы что, серьезно?! Мне ведь больно! Это, по-вашему, смешно?!

Он не сразу мне отвечает, скользая взглядом по мокрым волосам, обнаженным плечам и коленкам, но, по мере того, как видит следы от горячей воды, улыбка сходит с его лица. Исаев смотрит вниз, на вентили, перекрывающие воду, и я понимаю, что он перепутал. Закрыл не тот вентиль, вместо холодной душа устроив мне горячий. Становится еще обиднее, и я бы много отдала, чтобы не стоять перед ним и не плакать, как беспомощное дите, но силы и смелость как-то резко вдруг заканчиваются.

Вадим

Такого эффекта я точно не ожидал. Она смотрит огромными глазами, и мне поначалу кажется, что от страха и неожиданности. Но я замечаю слезы, красные следы на тонкой светлой коже, и понимаю, что Богданова плачет от боли.

А потом понимаю, что случайно закрыл вместо горячего крана холодный, и бедную девчонку ошпарило кипятком.

Выругавшись, я инстинктивно делаю шаг к ней, чтобы сунуть под холодную воду, и Богданова отплатывается, врезаясь спиной в раковину. Там, на полочке у зеркала, я замечаю приметный флакон "Пантенола", и план созревает прежде, чем я успеваю его обдумать.

– Повернись! – Голос должен звучать холодно и равнодушно, а получается хриплым.

Богданова в ступоре, и поэтому даже не пытается остановить меня, когда я разворачиваю ее спиной и лью холодный крем на покрасневшие плечи.

– Надеюсь, ты не хранишь в этой банке крем для депиляции.

Издевка отрезвляет Богданову и она пытается вырваться, но я уже удобно зажал ее между собой и раковиной, так что все, чего она добивается – полотенце едва не соскальзывает на пол. Я бы не отказался от такого подарка судьбы, но мазать нежную горячую кожу прохладным кремом тоже неплохо.

Спустя несколько секунд я уже забываю об истинной цели этого развлечения и просто получаю удовольствие. Завороженно рассматривая красноватые следы, родинки и тонкие светлые локоны, упавшие на влажные плечи, я пальцами изучаю девичью шейку. Слегка надавливая, рисую контур позвоночника. У Богдановой вырывается не то испуганный, не то обреченный всхлип. Даже не будучи специалистом, я чувствую, в каком напряжении ее шея. Даже простой массаж в наполненной паром ванной мгновенно лишает ее воли, и вот в моих руках уже послушная кукла.

Я выдавливаю еще крема, растирая его по плечам и ключице. Богданова такая худая, что я почти могу сжать ее шею одной ладонью. Когда я делаю это, она испуганно дергается, но добивается только того, что прижимается к моей груди крепче.

Я очень давно не прикасался к девушкам, и я изучаю ее, чувствую бешеное биение сердца. Старательно избегаю встречаться с ней взглядом, чтобы все не испортить. Нечеловеческих усилий стоит оставить все как есть, не стягивать полотенце, чтобы продолжить ее изучать, успокаивать красные следы холодным кремом.

И, хотя член уже каменный, а в висках стучит кровь, я боюсь переступить грань. Богданова все еще может все разрушить. Меньше всего мне хочется получить обвинения в попытке изнасилования. Думается, если сейчас я надавлю, дам волю давным-давно выработанным инстинктам, Богданова сдастся.

Она удивительно быстро заводится, и сейчас в моих руках горячая вовсе не от кипятка и пара. Мы рядом всего несколько минут, но я уже знаю, как гладить ее шею так, чтобы сорвать с губ произвольный стон. Знаю, как действует смесь страха от того, что я обхватываю ее горло, и возбуждение от того, что делаю это нежно и дразняще.

Кажется, будто у нее совсем нет опыта, но я ведь знаю, что это не так. Знаю, что у нее есть сын, и все равно веду на образ невинной девочки. Несколько секунд, что я размышляю о том, как заставлю ее разжать пальцы, сжимающие полотенце, а потом сожму небольшую упругую грудь, раздвину стройные длинные ножки и заставлю ее кончить – самые трудные секунды с того момента, как я вышел из тюрьмы.

Но они так и остаются фантазиями. Нечеловеческим усилием я заставляю себя стряхнуть возбуждение и отстраняюсь, уничтожая хрупкую атмосферу желания:

– Могу намазать и другие места, но тогда потребую взамен как минимум минет.

Богданова ошеломленно моргает, фокусирует на мне взгляд и... с неожиданной силой выталкивает из ванной.

– Убирайтесь! – ее голос звенит от возмущения.

Я не сопротивляюсь, меня разбирает смех. Но прежде, чем она захлопывает за мной дверь, полотенце падает к ее ногам, и я успеваю увидеть шикарную грудь с розовыми затвердевшими сосками.

Да, определенно на соседку сцена в ванной произвела не меньшее впечатление, чем на меня.

Я впервые думаю о том, что, возможно, стоит побриться и вернуть себе человеческий облик. Вот уж не думал, что мотивом станет девица, живущая в соседней комнате.

Все чудесатее и чудесатее, как говорила Алиса. Я оказываюсь прав: вкус свободы вдруг кажется приятным. Несколько минут, на которые я напрочь забыл обо всех бедах и проблемах, ударили по мозгам почище бутылки водки. Сидя в комнате и слушая, как Богданова судорожно и явно нервно собирается, я понимаю, что хочу новую дозу.

И она хочет. Во всяком случае, ее реакцию сложно назвать страхом в чистом виде. Ей понравилось, как я прикасался. Или потому что я делал это умело, или потому что ее вообще редко трогали. История малолетней мамыши, невесть как получившей мою квартиру, становится интереснее. Но как бы прочно не засело в памяти ощущение бархатистой кожи, как бы сильно не хотелось еще раз испытать простые, в общем-то, человеческие – я бы даже сказал, мужские – эмоции, есть дела поважнее.

Например – выбраться из задницы, в которой я оказался.

Увы, но смарт, изъятый при задержании, кто-то спер вместе с симкой, и у меня не осталось ни одного контакта. Я – не самый ценный технический специалист, но я был хорошим бизнесменом, а хороший бизнесмен знает, как найти хорошего спеца. Первые же поиск по «Линкдин» находит мне Павла Минаева, а дальше дело техники. Написать, получить телефон.

– Слушаю.

– Привет, Паш. Узнал?

Несколько секунд в трубке царит тишина.

– Вадим Егорович? Вы?! Серьезно?! А...

– Длинная история. Я на свободе. И у меня к тебе есть дело. Как ты вообще? Как работается?

– Да так... Вроде нормально. – Паша всегда был умным парнем, поэтому он сразу понимает, к чему я вдруг объявился. – А есть предложения?

– Есть. Вряд ли оно тебе понравится, но выслушаешь по старой памяти?

– О чем разговор, Вадим Егорович. Излагайте.

– Я вернулся и хочу снова залезть на рынок. Без спецов не получится, сам понимаешь. Есть небольшой стартовый капитал и старые связи, которые сильно ненадежны ввиду пяти лет за решеткой. Но, думаю, некоторые еще сработают. Сам понимаешь, оплата – большой вопрос. Кулер, печеньки и офис с фикусами обещать не могу, твою ставку у Артема тем более. Но могу пообещать процент.

На том конце – задумчивое молчание. Если Паша чего и ожидал, то точно не этого.

– Процент? – переспрашивает он.

– Сорок.

Сейчас все зависит от двух вещей. Первая: насколько сильно мой братик достал сотрудников и готовы ли они пожертвовать комфортом, чтобы плюнуть ему в утренний кофе. Вторая: есть ли у Паши подушка безопасности, чтобы год-два работать за копейки с расчетом получить миллионы потом. Он знает, что такое сорок процентов в раскрученной айти-фирме, и знает, что я могу ее раскрутить.

– Я бы обсудил при встрече, – наконец говорит он.

Я прилагаю максимум усилий, чтобы в голосе не слышалась торжествующая улыбка. Все-таки братик всех достал. Значит, у меня есть шансы.

Наверное, я бы смог реализовать себя в чем-то другом. Найти новую нишу, раскрутиться там, где ниже конкуренция, но это не так интересно и не так пьяняще, как оставить Артемку с носом. Увести у него Пашу – отличный старт. Правда, он же и одновременно объявление войны, но если бы я боялся конфронтаций, я бы не оказался в тюрьме. Не хотелось бы туда вернуться из-за дерьма, ошибкой природы назначенного моим братом.

– Когда тебе удобно? За обедом пойдет? Вы все еще в том же здании? Можно в «Оливер».

– За обедом пойдет, но давайте не в «Оливере», там часто бывает шеф. Думаю, его не стоит держать в курсе всех моих собеседований. На площади есть кофейня, встретимся там.

– Договорились. Собираюсь.

– Вадим Егорович... рад, что вы вернулись. Не ожидал, но рад.

Никто не ожидал. И до сих пор о том, что я на свободе, знают только заинтересованные. Для остальных я – убийца, которому дали пятнадцать лет.

Это ведь так много. Какая разница, что с ним случилось? Он еще долго пробудет за решеткой.

Глава пятая

Даша

Мои последние деньги уходят на то, чтобы накормить Ваньку после школы в столовой и оставить в антикафе за игрой в «Дженгу». К счастью, я должна вернуться не позже, чем через час, так что ничего не случится. А в антикафе есть чай, печеньки, развлечения и какой-никакой присмотр. Это не хостел, слава богу, здесь никакие документы не требуются. Час здесь обойдется мне в две сотни, но я не хочу брать Ваню на встречу с братом Вадима. Не хочу, чтобы он слышал даже обрывки нашего разговора.

– Если что – звони, понял? Ни в коем случае не уходи! Я вернусь быстро, у меня встреча неподалеку. Понял, Вань?

Брат хмурится, но кивает.

– Это по работе?

– Да. Раз мы теперь живем с соседом, я больше не могу водить клиентов. Поэтому я хочу снять помещение и открыть там свой кабинет.

– Круто, Даш! А можно я после школы буду приходить к тебе и сидеть, пока ты работаешь? Я тихо, честно!

– Можно. Но сначала надо этот кабинет открыть. Так что жди меня здесь. Можешь играть, а можешь поделаться уроки. Но я все равно проверю!

Упоминание уроков действует магически: Ванька тут же хватается с полки игру и уходит в уютный уголок с креслом-мешком и низким столиком. Я приношу ему чай и блюдце с печеньем, оставляю депозит и убегаю, потому что время не ждет, Прокопенко уже на месте, и у него всего час, чтобы спасти мою жизнь.

До сих пор дрожат руки. И кожей под одеждой я чувствую уверенные прикосновения чужих рук. А рядом неуловимо витает слабый аромат крема, который я использовала после тяжелых дней, когда кожа на руках краснела от постоянного ношения нитриловых перчаток. Теперь придется выкинуть и покупать другой, потому что от одного вида «Пантенола» я краснею и задыхаюсь.

Ненавижу!

– Дарья Сергеевна?

Красивый молодой мужчина в дорогом костюме поднимается, едва я вхожу. Я чувствую себя неуютно в просторном светлом ресторане. Это все комплексы: мы никогда не могли себе позволить такие места, и под «мы» я подразумеваю себя и Ваньку. Папа объездил половину Европы, его новая любовь постоянно выкладывает фотки из модных мест, а мама не отказывает себе в завтраках и ланчах во имя просветления.

У ресторана красивое название «Оливер», а у Артема Прокопенко – глаза. Я не могу отвести от них взгляд и чувствую одновременно приятное смущение, какое бывает при встрече с симпатичным парнем, и дикий стыд от воспоминаний о его брате.

– Присаживайтесь. Я взял на себя смелость угостить вас ланчем. Здесь хорошая кухня.

– Спасибо, я сыта.

– Хотя бы попробуйте, раз уж я все равно его заказал и из моего счета он никуда не денется. Повар расстроится, если ему вернут нетронутые блюда.

Я еще больше краснею: Прокопенко правильно понял мой отказ и ненавязчиво намекает, что заплатит за ланч. Может, будь мы на свидании, я бы не покраснела, но это лишь разговор, так что я чувствую себя слегка... униженно? Нет, не то слово. Неловко.

– Итак, Дарья. Я ознакомился с документами и поговорил с юристами, похоже, мой брат действительно имеет право жить в квартире. Приношу свои извинения за это недоразумение.

Поверьте, я не знал об этой лазейке. Вадим отказался от приватизации, я не думал, что он посмеет вернуться. Он вообще не должен был выйти из тюрьмы так скоро.

– Да, в суде мне тоже сказали, что все законно. И я не знаю, что делать.

– Ну, – Прокопенко пожимает плечами, – поскольку я во всем виноват, предлагаю откатить сделку. Я верну сумму за квартиру вашему... супругу?

– Отцу.

– Отцу, простите, конечно. Провернем обратную сделку. Я верну вашему отцу сумму за квартиру, она останется в моей собственности, и брат будет там жить. Родственников не выбирают. Наверное, это лучше, чем если он отправится на теплотрассу. Отец бы не позволил ему умереть на улице. Он верил, что даже убийцы достойны второго шанса. Когда ваш отец сможет выйти на сделку?

Я тяжело вздыхаю. У меня не было надежды, что брат Исаева поможет. И то, что он пытается – уже больше, чем то, на что я рассчитывала. Но...

– Боюсь, папа не захочет откатывать сделку. Он в Европе, они с мамой разошлись, и эта квартира куплена для нас. Он не прилетит.

А еще он купил квартиру по дешевке, и возвращенной суммы спустя столько лет и скачков цен не хватит даже на студию на окраине. Что комната в коммуналке, что соседство с Исаевым – все одно.

– Тогда проблема. Собственник квартиры ведь он?

– Да.

– Боюсь, что на этом мои полномочия – все. Не знаю, как помочь вам...

– Вы можете поговорить с братом? Убедить его оставить нас в покое. Хотя бы... я не знаю, может, отдать нам большую комнату? Он выгнал нас в крошечную детскую! Я не могу работать, брату тяжело учиться. Он курит на балконе, в квартире невозможно дышать!

Ладно, я преувеличиваю. Запах есть только в непосредственной близости от балкона, но все равно меня это бесит.

– Боюсь, Даша, Вадим не станет со мной разговаривать. Он ненавидит меня. Я...

Артему явно тяжело говорить о брате, он делает глоток воды и долго смотрит в окно, на оживленную улицу.

– Я не поддержал его. Не смог выступить на стороне убийцы. Вадим воспринял это как предательство. Я думал о себе, своей компании, репутации, а он хотел, чтобы я бросил все ради его свободы. Которой он, будем честны, не заслуживает.

Приносят ароматный сырный суп, и я сдаюсь: дико хочу есть! Проблему с продуктами еще придется решить, я понятия не имею, как нам с Ваней продержаться до первых моих клиентов, но сейчас не могу отказать себе в удовольствии. Наверное, вкусная еда, непривычный роскошный интерьер и теплота, исходящая от Артема, меня расслабляют, потому что в обычных обстоятельствах я бы ни когда не хотела задать вопрос, который срывается с моих губ, когда официантка уходит:

– Что он сделал? Как ваш брат попал в тюрьму?

Отложив вилку, Прокопенко смотрит очень пристально, словно пытается заглянуть в самую душу.

– Уверены, что хотите знать это, живя с ним под одной крышей?

Вадим

Впервые за много лет у меня прекрасное настроение.

Брат оказался еще большим дебилом, чем я думал. Нет, правда, как надо было достать свой персонал, что он не просто готов уйти к конкуренту, но и унести с собой заказчиков? И ладно бы это были менеджеры или какие-нибудь логисты, но нет! «Айти» фирма заколебала айтишников. Уму непостижимо!

А ведь Артему досталась вполне приличная фирма. С топовыми спецами, с жирными заказчиками, с репутацией. Как он умудрился за пять лет слить ее в унитаз?

– Сначала все было как обычно, пока Артем Егорович входил в курс дела, – пожимал плечами Паша, когда мы беседовали за кофе. – Потом начали понемногу сокращать сроки. Разогнали почти всех тестировщиков. Там отдали продукт с багами, там отдали с костылями. Клиент не видит, значит норм. Потом первый иск и штраф: система отвалилась в неподходящий момент, два миллиона убытков и возврат стоимости. Затягивали, как могли: экспертизы, обжалования. Поползли слухи, заказов стало меньше. Урезали содержание, сократили штат. Вот получили новый проект, и я как раз собирался уходить. Сразу сказал, что с такими сроками и без нормальных тестов мы ничего не напишем. Ну и тут вы позвонили.

Итак, теперь у меня есть: очень хороший программист, знающий очень хороших программистов и прочих спецов. Жирный заказчик, на которого будет довольно просто выйти и уломать заказать систему нам. И – это в перспективе – злющий, как чугунная гиря, Артемка. Разве может что-то быть лучше?

Мне срочно нужна еще доза кофеина и немного тишины, чтобы накидать примерный план и смету. Бюджет небольшой, хотя и он – подарок небес, а точнее, отца. Без него я пообещал бы Паше только отдаленное светлое будущее, и был бы послан. А с деньгами у меня есть пространство для маневра. Поэтому жизненно важно не спустить их в унитаз.

Даже если очень хочется вытащить оттуда хотя бы двадцатку, чтобы оттянуться в баре, снять номер в отеле и провести ночь с какой-нибудь блондиночкой погорячее. И почему с блондиночкой? Мне всегда нравились рыжие...

Но за кофе я все-таки захожу в небольшое кафе неподалеку. Меня встречает улыбчивая девушка на ресепшен (кстати, как раз рыжая) и говорит:

– Здравствуйте, вы у нас уже бывали?

– Нет. Мне кофе, девушка, американо без сахара и сливок.

– Позвольте, я вам все расскажу. В нашем кафе вы платите не за напитки, а за время нахождения. Первый час по сниженной цене, дальше – можете ознакомиться с тарифами. Кофе, чай, вода и сладости бесплатны, так же в стоимость входят настольные игры, пользование компьютером...

– Компьютером, говоришь?

– Да, у нас высокоскоростной интернет, множество игр, офисные программы, МФУ и все, что нужно для работы.

– Все, что нужно?

А это мысль. Хотя бы выберу себе нормальный смартфон, с которым можно работать.

– Окей, валяйте.

– Проходите, пожалуйста, ваше время записала. Оплата по факту нахождения в кафе.

Здесь бедненько, но есть некое подобие уюта. Диваны, кресла-мешки, столики и так далее. В углу буфет с кофемашиной, кулером и коробками разномастного печенья. Я принимаюсь к запаху кофе и делаю вывод: сойдет. Поглощенный приготовлением, не сразу замечаю, что рядом кто-то стоит и внимательно смотрит.

– Извините, а можно попросить вас достать мне сахар? Я не достаю.

С удивлением, узнав голос, я сверху вниз смотрю на пацаненку соседки.

– Ой, это вы?

– Я, – соглашаюсь.

– А что вы здесь делаете?

– Так, зашел кофе выпить. А ты?

– И я, – важно кивает мальчишка.

Как же его зовут? Вова? Витя? Влад?

– А тебе кофе-то можно?

– Не знаю. Нет, наверное. Да я его и не люблю, гадость! Здесь вкусный чай, вон тот, с лаймом. Хотите?

– Не, я как-нибудь гадость попью.

Он пожимает плечами. Пожалуй, на этом беседу вежливости можно закончить, но, к моему удивлению, мальчишка не спешит уходить.

– Хорошо, что вы пришли. Мне надо с вами поговорить. Садитесь.

Вот это поворот. Я даже забываю, что хотел быстро заказать смарт, выпить кофе и уйти. Мы садимся за один из столиков, и пацан с максимально деловым видом размешивает в чае сахар, а я точно с таким же пробую кофе. Паршивый, но не самое дерьмо, сойдет.

– И о чем будем говорить?

Меня веселит то, как дите играет во взрослого.

– У меня есть к вам претензии.

– Ого, какие разговоры. Ты не одинок, приятель. Придется встать в конец большущего списка. И что за претензии?

– Даша из-за вас плачет. Вы ее обидели?

– Да кто ж твою Дашу разберет, чего она плачет. Недовольна, наверное, что я ее выселил с балкона.

– Она там работала, – кивает ребенок. – Вы не могли бы поменяться с нами комнатами?

– Не мог бы, – бурчу я неожиданно зло даже для самого себя.

Но мальчишку это не смущает.

– А почему?

– А потому. Привык спать в зале, ясно? Это моя квартира. Где хочу, там и сплю.

Ладно, формально она не моя, но я прожил в ней большую часть жизни.

– Хорошо, это не самое главное. Даша хочет свой кабинет маникюра.

Губа у Даши не дура. Но мне-то что? Пусть хочет на здоровье.

– Есть еще одна проблема. У Даши нет денег на еду.

Я молча пью кофе, ожидая продолжения.

– А раз вы пользуетесь нашими вещами, то должны скидываться на еду. И платить за вещи.

– И какими же вещами я у вас пользуюсь?

Ваня! Я вспомнил, его зовут Ваней. Так вот, Ваня начинает перечислять:

– Вы тратите воду, пользуетесь стиральной машинкой, я слышал. Спите на Дашином диване. Курите в ее кабинете. Пьете кофе и съели всех «Барни». Дашу теперь ругают, что она мне ничего не дает в школу. А я знаю, что у нее просто нет денег.

– Ну, положим, медведей ты сам предложил съесть. Я просто не стал отказываться. А за угощение, знаешь ли, плату не требуют.

– А я не требую, – ничуть не смутился пацан. – Но Даша говорит, что если тебя угостили, ты должен угостит в ответ.

Ишь, какой деловой. Забавный. Подражает взрослым, хотя явно нервничает и побаивается меня, но держится уверенно, совсем не так, как держатся обычные семилетки. У большинства в голове ветер, игрушки, планшеты. Мало кто думает о том, что матери не на что купить еду. Хотя, с другой стороны, все же сейчас такая нищета редкость.

– Ладно, убедил. Только твоя Даша от меня денег не возьмет. Она у тебя гордая. И глупая.

– Она не глупая!

– Ага, скажешь, умная?

– Умная! И красивая!

Ну... пожалуй, да. Симпатичная скорее, до красоты там пилить и пилить. Симпатичная, соблазнительная. Юность всегда сексуальна. Но, пожалуй, оставим эти беседы для далекого будущего, не дай бог прожить с Богдановыми столько.

– На, держи. – Я протягиваю ему пятитысячную купюру. – Считаю, что я скинулся. Скажешь, что нашел.

– Но...

– Не хочешь? Тогда я пошел.

Мальчишка быстро забирает купюру и, воровато оглядевшись, засовывает в карман.

– Спасибо.

– Да не за что. Проболтаешься – больше не дам, будете просрочку у магазина караулить, понял?

Ваня смотрит внимательно и с интересом. Долго смотрит, я даже слегка начинаю нервничать.

– Что?

– Даше очень понравился кофе. Почему если она узнает, что вы дали денег, это плохо? Почему вы не хотите, чтобы про вас думали хорошее?

– Потому что нечего думать. Не обольщайся, Иван. Мне плевать и на тебя и на твою мамашку. Считаю, вас спасли твоя непосредственность и честность. Но не думай, что я вдруг превращусь в вашего приятеля. И молчи о деньгах, иначе еще и сам отгребешь. Уяснил?

Иван кивает.

– Только у меня еще просьба есть.

– Чет ты, парень, разошелся. Не много ли просьб?

– Последняя!

– Ну?

Он смотрит широко открытыми глазами. Хорошенький маленький пацаненок, у меня вполне мог бы быть такой же, если бы я не тратил все время на работу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.